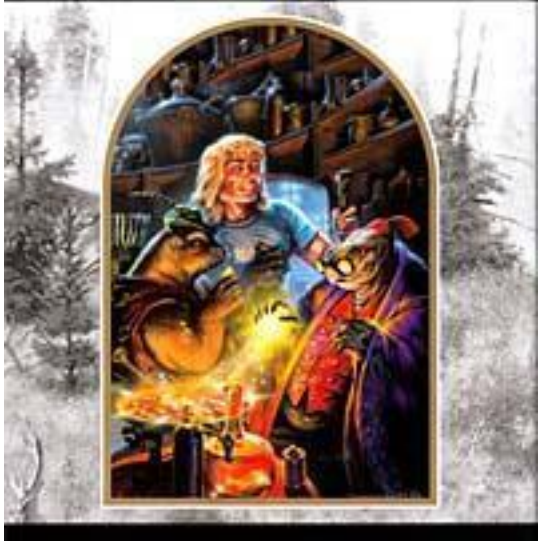
ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Алан Дин

ФОСТЕР



Чародей с гитарой

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Алан Дин Фостер

Час ворот

Серия «Чародей с гитарой», книга 2

Библиотека леопарда Веши
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130810
Чародей с гитарой. Том 1: Эксмо-Пресс; 2005
ISBN 5-04-010086-8
Оригинал: AlanFoster , “The Hour of the Gate”
Перевод:
Юрий Р. Соколов

Аннотация

Джонатан Томас Меривезер – простой американский студент – случайно попадает в волшебную страну, где он оказывается в довольно странной компании вместе со вздорным выдром по имени Мадж и излишне эмансипированной девицей Талеей. Любовь к рок-музыке неожиданно помогает главному герою выпутываться из сложных ситуаций, хотя, как показывает практика, пение под гитару приводит иногда к довольно странным результатам.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 26
Глава 3 44
Глава 4 58
Глава 5 80
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Алан Дин Фостер
Час ворот

Посвящается трио, которое не сложилось, хотя и обязано было существовать.
Дженис, Арете, Билли.
Дамы, благослови вас Господь.

Глава 1

На самом верху лестницы Джон-Том пошатнулся. Все неправильно, подумал он. Не то место и не то время. И не он стоит перед входом в странное здание Совета в городе под названием Поластринду. И нет выдра ростом в пять футов в высокой зеленой шапке и яркой одежде, что внимательно разглядывает его, ожидая очередного обморока. И нет двуногой черепахи в очках, с кислым выражением ожидающей, пока Джон-Том придет в себя, чтобы продолжить труды по спасению мира. Нет рядом огромного, до чрезвычайности уродливого летучего мыша, бурчащего себе под нос что-то о грязных горшках, сковородках, о чрезмерных трудах и о том, как тяжело в одиночку выполнять обязанности фамулуса.

К прискорбию Джон-Тома, реальность от его отрицаний не изменилась.

– Че ты, приятель, – поинтересовался выдр по имени

Мадж. – Опять собрался заблевать нас с ног до головы?

– Прошу прощения, – извиняющимся тоном проговорил Джонатан Томас Меривезер. – Перед устным экзаменом у меня всегда голова кружится.

– Приободрись, мой молодой друг, – сказал чародей Клотагорб и похлопал себя по панцирю. – Все переговоры буду вести я. Ты подтвердишь мою правоту своим присутствием, а не словами. Пошли. Время теряется понапрасну, а мир близится к драме. – И маг вперевалку вошел в здание. Уже который раз за время, проведенное в этих краях, Джон-Том испытал прилив надежды – быть может, после разрешения кризиса волшебник все-таки сумеет переправить его обратно.

Оказавшись внутри, они миновали писцов, клерков и прочих чиновников, оборачивающихся им вслед. Сам зал был сложен из камня и облицован деревом, ошкуренным и отполированным до блеска. Красную древесину усеивали канареечно-желтые пятна сучков, так что бревна смотрелись как мраморные колонны.

Вошедшим встретились две занятые спором группы. С приближением их перепалка прекратилась по вполне понятным причинам: все жители Поластринду теперь знали о них… Во всяком случае, слышали о хозяевах дракона, едва не спалившего вчера город.

Пришлось подняться на пару лестничных маршей. Клотагорб усердно пыхтел, стараясь не отставать. Потом перед ни-

ми оказались прекрасные черно-желтые двери из конского каштана с каповыми наплывами, ведущие в небольшой зал.

Там, на возвышении, стоял длинный стол, концы которого бычьими рогами загибались вперед. За отдельным столиком справа сидел небольшой оцелот в очках. Гусиное перо, которое он держал в лапах, деревянными планками было соединено с шестью другими перьями, располагавшимися над более просторным столом с шестью свитками. Хитроумное устройство позволяло писцу, кроме оригинала, делать сразу шесть копий. Рядом стоял помощник-волчонок. В его обязанности входило менять свитки или же поправлять перья по мере необходимости.

За столом на возвышении восседал Главный Совет города, графства и провинции Великое Поластринду – самого крупного и влиятельного государства в Теплых землях.

Джон-Том внимательно посмотрел на советников. Крайний слева – франтоватый хомяк, облаченный в шелк, кряква… с цепями на шее и золотым колечком в ухе. Следующей была упитанная гоферша, облаченная в розовые одеяния. Как и следовало ожидать, к ее физиономии плотно прилегали темные очки. Надо думать, сия упитанная дама представляла ночное население города. Глаза юноши торопливо обежали остальных.

Выделялись, пожалуй, всего две личности. За дальним концом стола восседал высокий хорь, одежда которого была похожа на мундир и выглядела весьма воинственно, да-

же если и не являлась таковым. Плечи черно-синего кителя украшали серебряные эполеты, на рукавах были нашиты шевроны. Грудь смертоносным крестом перечеркивали ленты с небольшими стилетами. Одеяние было настолько безупречным, что Мадж зашептал себе под нос что-то о пылеотталкивающем заклинании.

Осанка хоря полностью соответствовала костюму. Он высился в кресле, не склоняясь к столу, и обнаруживал при этом больший интерес к происходящему, чем остальные члены Совета.

Джон-Том попробовал представить себе, о чем они думают, глядя на стоящую перед ними крошечную группу. физиономии выражали различные степени страха и изумления. Лишь хорь проявлял интерес.

Другая видная фигура располагалась в центре стола, меж двух почетных насестов, служивших опорой представителям пернатого населения Поластринду.

На одном из них сидел крупный ворон, в данный момент ковырявший в клюве серебряной палочкой, непринужденно зажатой в левой лапе. На нем были красно-охристый с зеленью килт и тех же цветов жилет. На втором насесте обосновался самый маленький из обитателей Теплоземелья, с каким уже приходилось встречаться Джон-Тому. Здешний колибри едва превосходил размерами голову человека. Над длинным клювом торчал великолепный хохолок; пышный килт и жилет были богато расшиты самоцветами. Птица

словно бы вылетела из сокровищниц Дрездена.

Килт был обшит по подолу золотой нитью, рубиновое горлышко украшало ожерелье – тончайшая золотая филигрань. Шляпа походила на австралийскую. На радужной голове ее удерживала золотая нить.

Джон-Том подивился шляпе: водрузить ее на голову, учитывая длинный клюв, не столь уж простое дело, если только на нитке не спрятана где-то крошечная пряжка.

Итак, были представлены все уголки провинции и все виды жителей. Доминировали над всеми неподвижный хорь у края стола и коренастая фигура в центре его.

Когда сей гражданин отодвинул стул и поднялся, глаза всех обратились на него. На носу барсука покоились очки, такие же, как и у Клотагорба. Мех на спине серебрился свидетельствуя о возрасте.

Когти его были коротко подстрижены. Невзирая на цивилизованный облик председателя, маникюр этот порадовал Джон-Тома, знавшего о свирепости барсуков и их упорстве в бою. Глубоко посаженные черные глаза уставились на вошедших. Барсук был облачен в камзол с жестким стоячим воротником, украшенный лишь золотым цветком на лацкане. Он стукнул лапой по столу. Джон-Том не знал, что их ожидает, однако гневный взрыв совершенно не походил на приветствие, на которое молодой человек все же рассчитывал.

– Итак, зачем вам потребовалось тащить в город огром-

ную огнедышащую тварь, жечь казармы у гавани, мешать коммерции, возмущать покой горожан… сеять среди них страх и панику? – взвыл, следуя за указующим перстом, возмущенный голос. – Назовите хотя бы одну причину, дабы я мог избавить вас от сурового наказания.

Джон-Том разочарованно поглядел на Маджа. Ответил Клотагорб, самым терпеливым тоном:

– Мы прибыли в Поластринду, друг, чтобы…

– Перед вами – мэр и президент Совета, Вукль Трехполосный, – фыркнул барсук. – Извольте обращаться ко мне, как требуют того титул и положение!

– Мы прибыли сюда, – продолжал спокойно волшебник, – по делу, жизненно важному для каждого жителя цивилизованного мира. И вам подобает внимательно выслушать то, что я собираюсь сказать.

– Ага, – подтвердил Пог, опустившись на один из разбросанных по залу насестов. – А будете хлопать ушами, наш приятель дракон живо испепелит ваше крысиное гнездо.

– Пог, заткнись. – Клотагорб бросил негодующий взгляд в сторону мыша.

Когда чародей отвлекся на Пога, объемистая гоферша наклонилась к барсуку и елейным, безусловно дамским, тоном проговорила:

– Сказано грубо, мэр-президент, но в словах этих есть истина.

– Я не позволю шантажировать меня, Певмора. – Барсук

поглядел в другую сторону и спросил уже менее воинственно: – А что скажете вы, Аветикус? Следует выпустить им кишки прямо сейчас или же подождать?

Хорь говорил так тихо, что Джон-Том сумел расслышать голос его лишь с трудом. Тем не менее создание это словно излучало холодную силу. Как и подобает будущему юристу, Джон-Том мгновенно подметил, что остальные члены Совета сразу прекратили переговариваться, ковырять в зубах и клювах и начали внимательно слушать.

– По-моему, их следует сперва выслушать. Не только из-за дракона, против которого я своих солдат не поведу. Признайте: нам нечего противопоставить его огненному дыханию. Кроме того, в словах гостей чувствуется добрая воля. Пока не знаю, насколько в действительности важно их дело, однако пришли они из лучших побуждений. Да и с виду перед нами отнюдь не глупцы.

– Разумно подмечено, юнец, – буркнул Клотагорб. Хорь едва заметно кивнул, не обращая внимания на то, что его обозвали щенком, и столь же сдержанно улыбнулся, приоткрыв острые белые зубы.

– Безусловно, добрая черепаха, но если вы попусту потратите наше время или действительно собираетесь причинить Поластринду вред, нам придется принять другие меры.

Клотагорб отмахнулся.

– Спасибо, что глупцами нас не сочли. Примите взаимные уверения. А теперь не будем рассуждать о мотивах и време-

ни, поскольку его-то у нас крайне мало.

И маг пустился в долгие, уже знакомые объяснения по поводу опасности, которую представляет собой Броненосный народ, учитывая долгие приготовления, огромную армию, а также неведомое чародейство.

Когда он закончил, воинственный пыл барсука ничуть не умерился.

– Броненосный народ! Броненосный народ! Вечно какой-нибудь идиот-прорицатель является с воплем: идут броненосные! Идут броненосные! Только панику сеют. – Он опустился в кресло и саркастическим тоном продолжил: – Или ты считаешь, что нас можно запугать баснями, которыми мамаши потчуют щенков? Неужели мы поверим всему, что выложит нам всякий свихнувшийся претендент на верховную власть? За кого ты нас принимаешь, незнакомец?

– За упрямцев, – терпеливо продолжал Клотагорб. – Клянусь честью волшебника, не запятнанной за две сотни лет, клянусь своим положением в Гильдии: все, что я сказал вам, – чистая правда.

Он показал на Джон-Тома, молчаливо выжидавшего и слушавшего.

– Вчера этот молодой чаропевец своими глазами видел в вашем городе лазутчика броненосных. Он явился, чтобы сеять раздоры среди жителей и, судя по словам моего юного друга, был прекрасно замаскирован.

Это заявление мгновенно вернуло к жизни самых вялых

членов Совета.

– Один из них?.. Прямо в городе!

– Он пытался возмутить вид против вида, – подчеркнул волшебник.

За длинным столом раздались недоверчивые восклицания.

– Он хотел, чтобы я примкнул к его марионеткам. Люди, которых он вербовал, говорили, что броненосные обещали им власть над Теплыми землями после победы. Я-то ни на грош не поверил ему, но я разбираюсь в таких вещах куда лучше, чем эти бедные обманутые люди. Не думаю, что у него найдется много приверженцев. Тем не менее вы должны знать: Броненосный народ уже пытается внести раздор в ваши ряды.

Бормотание советников из нервного стало сердитым.

– Где он? – вскричал вдруг колибри, вспорхнул с насеста и, трепеща крылышками, повис в каких-то дюймах от лица Джон-Тома. – Где этот дохлый жук и его бесперые подручные? – Яростные птичьи глазки буравили глаза человека. – Я им глаза повыклюю. Я…

– Сядьте на место, советник Миллеводдеварин, – сказал Вукль Трехполосный, – следите за собой. Я не потерплю анархии на заседаниях.

Колибри яростно воззрился на мэра, что-то буркнул и возвратился на место. От распиравшего его раздражения крылышки продолжали трепетать, и их пришлось приглаживать

длинным клювом.

– Среди любого вида могут найтись свои фанатики-экстремисты, – задумчиво проговорил мэр. – Наши люди не склонны к расовым предрассудкам. Мы предупредим их, но это неважно. Когда наступает время выбора, здравый смысл всегда торжествует над эмоциями. У людей, надеюсь, все-таки хватит ума понять, что нашествия броненосных они не переживут.

Барсук улыбнулся, и шерсть на темной маске около глаз пошла морщинками.

– Впрочем, прежде подобные вторжения успеха не имели. Ни разу – за несколько десятков тысяч лет. Через Зубы Зарита нет иного пути, кроме Прохода Джо-Трума. А две тысячи лет назад Усдретт Оспринсприйский в знак своей победы над броненосными воздвиг там великую стену, укрепленную и усиленную последующими поколениями защитников. Врата ни разу не были открыты силой, ни одно войско броненосных не смогло приблизиться к стене. Их даже в Проход никогда не пускали.

– Слишком они прямолинейны, – добавил ворон, взмахнув для убедительности крылом. – Действуют без выдумки… Не умеют противостоять импровизации. Как приготовились, так и воюют, а когда с ними обходятся иначе, не могут вовремя перестроиться. Скажем так: последняя попытка вторжения закончилась для них куда хуже, чем предыдущие, – настоящей катастрофой. И поражения их раз от ра-

зу становятся все серьезнее. Впрочем, эти наскоки полезны для Теплоземелья – они не позволяют народу расслабиться, оттачивают мастерство солдат. Тем не менее мы не можем позволить себе расхлябанности. Постоянный отряд у Врат способен отразить любую атаку, прежде чем подойдет необходимое подкрепление.

– Будет не обычное нападение, – настаивал Клотагорб. – Броненосный народ подготовил самое многочисленное и умелое войско… Такого ему еще не удавалось собрать. Кроме того, у меня есть основания полагать, что они овладели новой таинственной магией, жуткой мощи которой нам нечего противопоставить, а злую суть ее даже я не могу постичь.

– Опять эта магия! – Вукль Трехполосный сплюнул на пол. – А ведь ты, незнакомец, еще не представил нам доказательств того, что являешься волшебником. Остается верить на слово.

– Вы хотите назвать меня лжецом, сэр?

Понимая, что все-таки хватил через край, мэр чуточку сбавил тон.

– Я этого не говорил, незнакомец. Однако ты, конечно, понимаешь мое положение. Как можно рассчитывать, что я подниму тревогу во всех цивилизованных Теплых землях по требованию одного гостя? Такое доказательство едва ли можно считать достаточным.

– Доказательство? Я тебе сейчас представлю доказательство.

В волшебнике вскипела кровь. Подумав, он извлек из ящичков пару порошков, высыпал их на пол, поднял обе руки и неторопливо повернулся на месте, возглашая:

> Теплый фронт, холодный фронт, поддержите мой афронт.
> Изобары, изотермы, потенциал копите.
> Нимбусы, кумулосы… Разделяйтесь, полюса,
> Ионы, собирайтесь, мчите и врагов моих разите.

Громовой раскат оглушил всех в зале, ударила молния. Ослепленный Джон-Том, вставая с пола, заметил, как рядом медленно поднимается Клотагорб, поправляя очки.

Вукль Трехполосный распростерся прямо перед ними – его выбросило из-за стола вперед. На месте почетного кресла дымилась кучка пепла. В толстом оконном стекле появилась дырочка – в том месте, куда угодила крошечная молния. Абсолютно ясный и безоблачный день лишь усилил впечатление от доблестного деяния.

Мэр отказался от помощи советников. Почистившись и поправив одежду, он направился обратно к своему месту. Принесли новое кресло и поставили над кучкой пепла. Прочистив горло, барсук слегка поклонился.

– Не буду спорить, вы доказали, что являетесь волшебником.

– Рад, что предъявленное доказательство вас удовлетворило, – с достоинством ответил Клотагорб. – Извините, ка-

жется, я слегка перестарался. Старинные заклинания – вещь нешуточная, не часто приходится пользоваться ими так вот, напоказ.

Писец уже вернулся к своему множительному устройству и строчил в оригинале и во всех шести копиях.

– Итак, лазутчики броненосных слоняются по нашему городу в облике людей, – пробормотал один из советников. – Сеют межвидовые раздоры, склоняют к войне… Великое и странное волшебство свершилось в палате Совета. Безусловно, знаки эти предвещают необычные события. Возможно, вторжение на этот раз может пройти по-другому.

Суслик склонился вперед и, скрестив пальцы, заговорил высоким, чирикающим голосом:

– Существует множество видов магии, дорогие коллеги. Безусловно, умение вызывать гром и молнию впечатляет, однако оно не имеет никакого отношения к предсказанию будущего. Вы считаете возможным объявить мобилизацию в Поластринду, увидев одну только молнию. Следует ли нам, полагаясь на одно это свидетельство, посылать гонцов в далекий Снаркен, в Л'бор и Йулпат-помме, в прочие города и селения Теплоземелья? Следует ли приказывать фермерам оставить поля, юношам – своих любимых, а летучим мышам – ночную охоту? Остановится торговля, погибнут состояния, разбиты будут жизни. Это серьезнейший вопрос, коллеги. И ответить на него можно, лишь имея в своем распоряжении слова и деяния более чем одной персоны. – Он почтительно

протянул обе руки в сторону Клотагорба. – Пусть даже столь умудренной в колдовских науках, как вы, сэр.

– Значит, вам нужны еще доказательства? – спросил Джон-Том.

– Более конкретные, высокий человек, – подтвердил суслик. – Война – дело серьезное. Следует напомнить членам Совета, – он глянул на сидящих за столом, – что если вторжение не произойдет, если не будет вашей необычной войны, то на следующий год пойдем на удобрение мы с вами, а не наши гости. – Крошечные черные глазки обратились к Джон-Тому. – А посему я рассчитываю на известное понимание с вашей стороны.

В зале раздались негромкие аплодисменты, к которым не присоединился лишь колибри Миллеводдеварин. Он все еще бормотал:

– Мне нужны эти предатели! Я хочу выклевать их поганые глаза!

Коллеги не обращали на него внимания: колибри воинственны и не склонны к размышлениям.

– Значит, вы получите более основательные доказательства, – ответил утомленный волшебник.

– Мастер? – Пог с беспокойством глянул на чародея. – Чдо вы дам задумали?.. Новое заклинание сразу же после первого? Лучше не надо, а?

– Неужели я настолько одряхлел, Пог?

Мыш, помахав крыльями, решительно ответил:

– Ага, дак дочно, босс.

Клотагорб неторопливо кивнул.

– Я ценю твою заботу, Пог. Из тебя еще выйдет хороший фамулус.

Мыш улыбнулся в ответ. Улыбка была ничуть не приятнее оскала, однако видеть приветливое выражение на вечно раздраженной физиономии крылатого ученика чародея никому еще не доводилось.

– Что ж, придется потрудиться. – Маг поглядел на Джон-Тома, потом на Маджа. – Из всех здесь присутствующих ты ближе всего к низам населения.

– Благодарю, ваше чародейство, – сухо отвечал выдр.

– Каким образом я мог бы убедить тебя в реальности угрозы?

– Ну, не знай я обо всем, потребовались бы доказательства… – задумался Мадж, – лучше, чтоб мне все показали.

Клотагорб согласился:

– Так я и думал.

– Мастер… – вновь вступил Пог.

– Все в порядке, у меня хватит сил. – Лицо волшебника стало бесстрастным. Он погрузился в глубокий транс. Не столь всепоглощающий, как то было с М'немаксой, но Совет почтительно притих.

В комнате вдруг потемнело, шторы сами собой задернули сумрачные окна. За длинным столом встревоженно зашептались, однако никто не шевелился. Хорь Аветикус, как за-

метил Джон-Том, не проявил ни малейшего беспокойства.

В дальнем конце палаты соткалось облачко довольно странного вида – плоское и прямоугольное. Внутри него появилась картинка. Когда она обрела резкость, советники разразились восклицаниями ужаса и отвращения.

В облаке маршировали полки насекомых, над рядами высились пики, копья, шлемы, мерцали мечи и щиты. Огромные генералы броненосных руководили войском, растянувшимся по туманной равнине, насколько мог видеть глаз. Шли тысячи… тысячи тысяч насекомых.

Видение разворачивалось, и советники начали тревожно переговариваться:

– А они лучше вооружены, чем прежде… Смотри-ка, действуют вполне осмысленно… В них чувствуется уверенность… Прежде этого никогда не было. Но сколько их… Сколько же их!

Картина изменилась: в облаке поплыли каменные лабиринты и сооружения, глыбой выросли тяжелые контуры замка Куглух.

Картинка перескочила на одну из темных туч, задрожала и исчезла. Облако с хлопком рассеялось, и свет возвратился в палату.

Клотагорб, раскачиваясь, сидел на полу, Пог, трепеща крыльями, подносил ему фиал. Волшебник сделал большой глоток, покачал головой и вытер рот тыльной стороной руки. Потом поднялся с помощью мыша и неуверенно улыбнулся

Джон-Тому.

– Получилось неплохо. Впрочем, до замка не дотянулся. Далековато, да и охранительные заклинания мешают. Сбился по вертикали. – И маг начал оседать. Джон-Том едва успел подхватить старого чародея.

– Вам не следовало этого делать, сэр. Такая слабость…

– Пришлось, мой мальчик. – Он качнул головой в сторону длинного стола. – Из-за нескольких твердолобых.

Советники переговаривались между собой, но, услышав голос Клотагорба, умолкли.

– Я хотел показать всем внутренности замка, однако тайны его ограждены слишком могучими чарами.

– Но откуда вам известно об этой новой магии? – поинтересовалась все еще недоверчиво гоферша.

– Я призывал М'немаксу.

В удивленных возгласах неверие смешалось с трепетом.

– Да, я сделал это, – с гордостью проговорил Клотагорб, – невзирая на жуткую участь, которую сулила мне и моим спутникам неудача.

– Но если вы сделали это один раз, почему бы снова не призвать этого духа и не выяснить у него истинную природу зла, угнездившегося в Куглухе? – спросил один из советников.

Клотагорб негромко расхохотался.

– Я вижу, здесь нет знатоков магии. Жаль, что на Совете отсутствует местный чародей или волшебница. Удивитель-

но, что мне вообще удалось это сделать. Попытайся я рискнуть снова, скорее всего, М'немакса вырвался бы на волю и в долю секунды от нас остались бы лишь горелые кости да мясо…

– Понятно, теперь понятно, – поспешно согласился советник.

– Придется полагаться лишь на себя, – сказал Клотагорб. – Силы извне не спасут нас.

– Наверно, следовало бы… – начал кто-то из собравшихся, поглядев налево, как и все остальные. Хорь Аветикус встал.

– Я объявлю мобилизацию, – негромко заявил он. – Армия соберется через несколько месяцев… Я обращусь к своим коллегам в Снаркене, Л'боре и прочих городах и селениях. – Он невозмутимо поглядел на Клотагорба. – Мы встретим нападение, сэр, всеми силами, какими располагают Теплые земли. На вашу долю остается то самое черное чародейство, о котором вы говорили. Мне не по вкусу бой, если не видишь противника. Но я уверяю вас: ни одно существо из плоти и крови не пройдет Трумовым Проходом.

– Генерал Аветикус, решение еще не принято, – запротестовала гоферша.

Узкая физиономия хоря повернулась к коллегам.

– Наши гости, – он показал на четырех странников, – свой выбор сделали. Учитывая их слова и поступки, я принял свое решение. Мобилизация будет объявлена. Решайте сами, бла-

гословите вы этот шаг или нет, но армия будет готова. – И он коротко поклонился Клотагорбу. – Высокоученый сэр, я прошу прощения, но у меня очень много дел.

Повернувшись, Аветикус вышел из комнаты на коротких, но сильных ногах. Джон-Том с восхищением глядел ему вслед. С этим хорем он охотно познакомился бы поближе.

После неловкой паузы советники возобновили беседу.

– Ну, если генерал Аветикус сразу принял решение…

– Отлично, – заявил жужжавший над столом колибри. – Решение принято без нашего участия. И не ими. – Он коротко махнул крылом в сторону гостей. Движение было настолько быстрым, что Джон-Том не поручился бы, что на самом деле видел его, а не придумал. – Генералом. Все знают, насколько он рассудителен. А раз так, причин для разногласий не остается. Мы должны действовать, как единый ум, единое тело, и отразить угрозу. – Он взмыл повыше.

– Я извещу воздушные силы, чтобы они могли немедленно скоординировать свои действия с армией. Вышлю кречетов в дальние города, дабы все узнали, что броненосные снова вышли в поход – более сильными и прожорливыми, чем прежде. На этот раз, братья и сестры, мы должны нанести им настоящее поражение, такое, от которого можно оправиться лишь через тысячелетия!

В палате послышались редкие возгласы одобрения. Один из них сорвался с уст волчонка, приставленного к свиткам. Писец с неодобрением глянул на юнца, немедленно уткнув-

шегося в бумаги. Тем временем Миллеводдеварин упорхнул через открытое окно.

– Похоже, вы добились своей цели, – заметила гоферша, поправляя ресницы. На толстой шее ее сверкали драгоценные камни, на каждом пальце было по перстню. – Все воинственно настроенные животные пойдут за вами. Весь мир отзовется на сигнал тревоги. – Покачав головой, она мрачно улыбнулась. – Но сохрани вас небеса, если ваши предсказания окажутся ошибкой.

– Признаюсь, мадам, в данном случае я и сам предпочел бы ошибиться. – Клотагорб поклонился ей.

Отбросив помпу и официоз, советники спускались с помоста, обмениваясь рукопожатиями и объятиями.

– Ну, на этот раз шестиногих тварей ждет истинный конец!

– Не о чем беспокоиться, хорошая будет драчка!

Даже мэр недовольным тоном выразил согласие – его все еще раздражало то, что генерал Аветикус не стал дожидаться окончания совещания и голосования по решению. Но теперь делать было нечего. После всех свидетельств, столь наглядно представленных Клотагорбом, не стоило даже пытаться оспорить его слова.

– Сообщите нам немедленно, сэр, – обратился он к Клотагорбу, – если в планах броненосных обнаружатся перемены.

– Конечно.

– Теперь остается еще один вопрос: до выступления ар-

мии вас следует устроить в новом обиталище, более уютном и элегантном. Дипломатов мы размещаем в гостиницах. Я полагаю, вы подходите под это определение. Но вот что делать с вашим огромным огнедышащим другом, испепелившим собственную квартиру?

– Мы сами позаботимся о нем, – заверил мэра Джон-Том.

– Будьте любезны не забывать об этом. – К Вуклю Трехполосному понемногу возвращались начальственные манеры. – Тем более что пока именно он и представляет единственную реальную опасность для нашего города.

С этими словами барсук отвернулся, чтобы присоединиться к оживленной беседе, завязавшейся между несколькими членами Совета.

Оказавшись за дверями палаты, Джон-Том и Мадж поздравили Клотагорба.

– Во было представление, шеф, самое настоящее. – В голосе выдра слышалось восхищение. – Видели б вы их рожи, кагда они пялились на марширующих жучил.

– Вы добились своего, сэр, – согласился Джон-Том. – Армии Теплоземелья будут ждать Броненосный народ в Проходе Джо-Трума.

Но заложивший руки за спину волшебник не выглядел довольным. Джон-Том, хмурясь, спускался рядом с ним по лестнице во двор ратуши.

– Разве не этого вы хотели, сэр? Или мы добирались сюда ради чего-то другого?

– Хм-м-м? Ах да, мой мальчик, этого я и хотел. – Волшебник по-прежнему казался унылым. – Боюсь только, что армии даже всех графств, городов и селений Теплоземелья не сумеют отразить эту угрозу.

Джон-Том и Мадж переглянулись.

– Ну что мы еще можем сделать? – осведомился Мадж. – Нельзя ж драться тем, чего у тебя нет, ваша магикальность.

– Нельзя, добрый Мадж. Но, возможно, у нас еще не все готово.

– Прошу прощения, сэрра?

– Еще не время отдыхать.

– Тагда, значица, вы, шеф, помозгуйте, а потом дадите нам знать.

Расстроившийся Мадж заподозрил, что скорое возвращение в родные окрестности Линчбени и Колоколесья его не ждет.

– Так я и сделаю, Мадж, и ты будешь знать, когда я надумаю известить всех остальных.

Глава 2

Новые апартаменты были просто роскошными по сравнению с казармой, в которой они провели свою первую ночь в Поластринду. По просторной комнате были расставлены редкие зимой свежие цветы. Гостей поселили в лучшей гостинице города, о чем свидетельствовал интерьер. Даже потолок оказался достаточно высоким, так что Джон-Том мог выпрямиться, не опасаясь разбить голову о люстру.

Вокруг центрального зала, целиком предоставленного в их распоряжение, находились спальни. Джон-Тому все-таки пришлось пригнуться, когда он зашел в свою округлую комнатку.

Каз откинулся на спинку кресла, слегка выставив уши вперед. В одной лапе его был бокал, в другой же – изящный серебряный кувшин, из которого кролик как раз и наливал темное вино.

Флор сидела возле него, Талея располагалась с другой стороны. Все трое смеялись какой-то шутке. Заметив вошедших, они поздоровались и умолкли.

– Можно не спрашивать, как все прошло, – заговорила смышленая Талея, укладывая ноги в сапогах на безукоризненно чистую кушетку. – Вы ушли, потом явился целый отряд услужливых лакеев. Они забрали нас из казармы и разместили здесь – в этой золоченой дыре. – Она пригубила бо-

кал, беззаботно пролив вино на прекрасный ковер. – Подобные приключения мне больше по вкусу, вот что я вам скажу.

– А что ты сказал им, Джон-Том? – поинтересовалась Флор.

Он подошел к открытому окну, опустил ладони на подоконник и посмотрел на город.

– Поначалу дела складывались не слишком удачно. Большой барсук по имени Вукль Трехполосный буянил и грозился упечь нас в тюрьму. Нетрудно понять, как он сумел стать мэром в таком грубом и большом городе, как Поластринду. Но Клотагорб испепелил под ним кресло, и все пошло по-другому. Они отнеслись к нам серьезно. Еще у них есть один генерал по имени Аветикус. У него здравого смысла больше, чем у всех прочих членов Совета, вместе взятых. Когда он решил, что услыхал уже достаточно, то сразу взялся за дело. Остальные спорить с ним не рискнули. По-моему, мы ему понравились, впрочем, за столь холодной и невозмутимой физиономией ничего не разглядишь. Но когда он говорит, все прочие слушают.

Внизу, в тени у каменной стены, свернулся клубком огромный черно-пурпурный силуэт. Фаламеезар безмятежно почивал перед воротами, так сказать, конюшни. В стойлах было пусто. Без сомнения, ездовых ящеров, принадлежащих гостям и персоналу гостиницы, на время выставили в другое место.

– Объявлена мобилизация, представители местных воен-

но-воздушных сил отправились извещать прочие города и селения.

– Значит, все в порядке, – удовлетворенно сказала Талея. – Работа закончена. Можно подремать возле очага. – И она осушила внушительных размеров бокал.

– Закончена, да не вся.

Клотагорб опустился в невысокое кресло в противоположном углу гостиной.

– Слышь ты, не вся, грит, – откликнулся встревоженный Мадж.

Разыскав удобную балку, Пог повис у них над головами.

– Мастер говорит, что нам надо еще искать и искать союзников.

– Но из всего сказанного, добрый сэр, следует, что в Теплых землях мы уже заручились полной поддержкой.

Сев в кресле, Каз взмахнул бокалом, вино всколыхнулось волной, но кролик не пролил ни капли.

– Пока отцы и матери города согласны предоставлять нам эту восхитительную обстановку, я не вижу причин отказываться от местного гостеприимства. Поластринду располагается не столь уж далеко от Зубов Зарита и самих Врат. Почему бы не стать лагерем здесь, ожидая грядущую битву? Мы можем помочь горожанам советом.

Но Клотагорб не согласился.

– Генерал Аветикус на первый взгляд весьма компетентный военный. Он легко справится с нужными приготовле-

ниями. Мы должны договориться со всеми, кто в состоянии помочь нам. Вы, Каз, только что заявили, что всех наших возможных союзников в Теплых землях известят о беде. Это так. Я же думаю поискать сторонников в других местах.

– Как это в других? – Талея села с озадаченным выражением лица. – Больше искать негде.

– Попробуй-ка объяснить это его высочеству, – процедил Мадж.

Талея с удивлением поглядела на выдра, потом на волшебника.

– Не понимаю.

– Есть еще один народ, и помощь его будет бесценной, – с пылом принялся объяснять Клотагорб. – Это легендарные бойцы, а история свидетельствует, что они презирают броненосных так же, как мы.

Мадж покрутил пальцем возле виска и шепнул Джон-Тому:

– Говорил же: съедет старичок с панталыку. Молнии там да картинки – вот и свихнулся вконец.

Впрочем, самым неожиданным образом отреагировал Пог. Летучий мыш слетел с балки и, повиснув над головой мага, со страхом забил крылышками… Глаза его округлились, в голосе чувствовался ужас.

– Нед, Масдер. Не сдоид думадь об эдом, не сдоид!

Клотагорб пожал плечами.

– Здесь нам нечего делать. Мы просто потеряемся сре-

ди генеральных штабов собирающихся армий. Почему бы не попробовать отыскать резервы, способные изменить ход битвы?

Джон-Том отошел от окна. Он слушал чародея внимательно, и внезапный испуг Пога удивил молодого человека.

– А какого рода союзников вы собираетесь искать, сэр? Я охотно помог бы набирать рекрутов.

Пог окинул его уничтожающим взглядом.

– Я говорю, конечно же, о прядильщиках.

Общий хор возражений удивил Джон-Тома и Флор.

– А кто такие прядильщики? – спросила девушка у чародея.

– Это самые жестокие, безжалостные и искусные бойцы во всем мире, моя дорогая. Они обитают в горах.

– Видишь, он не сказал «в цивилизованном мире», – уточнил Каз. Заявление волшебника даже его лишило обычной невозмутимости. – Не буду оспаривать высокую оценку, которую вы даете их воинской доблести, добрый сэр, – продолжил Каз, нос его нервно дергался. – Согласен и с тем, что броненосных они ненавидят. К несчастью, вы забываете один пустячок – возможно, нас они презирают еще больше.

– Каз, это слухи и детские сказки. Учитывая все обстоятельства, они вполне могут прийти к нам на помощь. Я, например, не уверен, что они нас ненавидят.

– Чего тут сомневаться? – сардоническим тоном возразила Талея. – Из тех, кто ходил в их земли, ни один не вернул-

ся, так что рассказывать было некому.

– Так это потому, что через Зубы не перелезть, – уверенно заявил Мадж. – Ненавидят или нет – какая разница. Возможно, те, кто пытался добраться до ихних земель, так туда и не попали. Через Зубы можно пройти лишь Вратами и Проходом, а потом, если я еще не забыл те сказки, которыми меня потчевали, прядильщики обитают куда севернее Зеленых Всхолмий.

– Есть еще один путь, – негромко проговорил Клотагорб. – Тоже далекий – к северу от Врат. Через Мечтравную степь.

– Через Мечтравную степь! – Талея недоверчиво усмехнулась. – Он не в своем уме!

– Всю Великую Мечтравную степь, – терпеливо продолжал волшебник, – пересекает удивительный поток, именуемый Слумаз-айор-ле-Уинтли, так он именуется на языке Бедных Земель, из которых вытекает. Он называется еще Рекой-Что-Пожирает-Себя, Двурекой и Двойной рекой. В наречии же магов и чародеев она известна как Шизоток.

– Шизоидная река? – Мысли Джон-Тома стянулись в узел, уже начинавший причинять боль. – Чушь какая-то.

– Если ты знаешь этот магический термин, Джон-Том, значит, понимаешь, что он обозначает. Слумаз-айор-ле-Уинтли – действительно безумная река.

– По ней невозможно спуститься, если я правильно понимаю смысл ваших слов, – сказал Каз. Клотагорб кивнул. – А разве Река-Что-Пожирает-Себя не течет сквозь Зубы путем,

которым не проходил ни один человек, именуемым Горлом Земным?

Волшебник вновь согласился.

– Понимаю. – Каз принялся загибать для счета мохнатые пальцы. – Значит, нам всем предстоит пересечь Мечтравную степь, каким-то образом проплыть по невероятной реке, пройти Земным Горлом, что бы оно нам ни сулило, встретить грудью все таящиеся в горах опасности, Добраться до хитросплетений – обиталища прядильщиков и доказать им, что мы пришли как друзья и нас следует поддержать, а не съесть.

– Именно, – подтвердил Клотагорб. Каз развел руками.

– Несложное дело – для супермена. – Он поправил монокль. – А я таковым не являюсь. В картах я хорош, в кости играю похуже, язык не заржавел, но я не азартен. Ваше же предложение, сэр, на мой взгляд, являет собой верх безрассудства.

– Окажите мне честь, поверьте, что я не более вас склонен рисковать собственной жизнью, – возразил Клотагорб. – Мы обязаны попытаться. Я считаю свое предложение реальным. Под моим руководством все мы выдержим путешествие и добьемся успеха…

Волшебника перебил утробный звук, нечто среднее между иканием и смешком. Клотагорб бросил решительный взгляд в сторону повисшего на балке фамулуса, тут же принявшего невинный вид.

– Я готов идти, – сказал Джон-Том. Остальные с удивлением поглядели на молодого человека.

– А ты у нас не того?

– Сам ты того. – Юноша покосился на выдра. – Ничего другого мне не остается.

– И я тоже пойду, – объявила Флор, выдав великолепную улыбку. – Люблю перемены.

– Ну хорошо, идем. – Каз тщательно вставил монокль, розовый нос его все еще подергивался. – Но это дурацкое дело – словно играть мизер без единой семерки.

– Наверно, и я пойду, – вздохнула Талея, – просто потому, что у меня здравого смысла не больше, чем у них.

Все глаза обратились на Маджа.

– Эй вы, рожи, неча на меня пялиться. – Раздражение превратилось в обескураженный ропот. – Надеюсь, что када нас будут подавать чертовым прядильщикам на ужин, я окажусь последним и, по крайней мере, увижу, как вас высосут до дырки в заду.

– Мадж, смерть рано или поздно ожидает любого.

– Ты не разводи мне философию, кореш. Конечно, тебе выбирать не из чего, раз ты все еще надеешься повидать свой собственный мир. Старина Клотагорб ухватил тебя прямо за шары. Но я могу покориться только угрозам. Кончатся они када-нибудь?

– Никто тебе не угрожает, – отозвался волшебник.

– Черта с два! Я видел это самое выражение в ваших гла-

зах… Мол, говори скорее «да» подобру-поздорову, и покончим с этим. Да, вы умеете вызвать гром и молнию, но меня не обманет даже такой старый жулик. Без нас вам не добраться туда. Мы нужны вам.

– Мадж, я никогда не пытался отрицать этого. Но силой тебя держать не стану. Я не угрожал тебе, так чего же ты добиваешься этим шумом? Ты ведь идешь с нами?

Выдр, пылая яростью и тяжело дыша, поглядел сперва на черепаху, потом на Джон-Тома, затем на остальных. Наконец он пнул роскошную плевательницу так, что она звякнула о стену, и, слегка поостыв, уселся.

– Черт меня побери, если я сам это знаю.

– А я скажу почему, – вмешалась Талея. – Ты скорее отправишься странствовать с кучей дураков вроде нас, чем останешься здесь, где тебя призовут в армию. Если Клотагорб и Джон-Том уйдут, местные власти отнесутся к тебе как к обыкновенному бродяге.

– Во-во, чертовка, – огрызнулся Мадж. – И оставьте меня в покое, слышите! Я ж сказал, что иду, хотя бьюсь об заклад – обратно мы не вернемся.

– Оптимизм, друг мой, всегда привлекательнее пессимизма, – мягко заметил Каз.

– Ты еще! Вот чего я не понимаю, так это тебя, приятель. – Сдвинув шляпу на затылок, Мадж встал на ковре перед Казом. – Минуту назад уверял нас, что не похож на безрассудного авантюриста. А теперь просто рвешься на эту милую

маленькую прогулку за смертью.

Тирада не произвела впечатления на кролика.

– Быть может, Мадж, передо мной открывается более интересная перспектива.

– Че это значит?

– А то: если катастрофа, которую предрекает наш мудрый друг Клотагорб, вот-вот обрушится на мир, по этой дорожке, к смерти, последуют за нами и все остальные. – Он мягко улыбнулся. – На всеобщем пепелище не с кем будет играть в карты. Сомневаюсь, что броненосные в случае победы позволят нам какие-то развлечения. Кроме того, у меня есть и другие причины.

– Вона! И какие же?

– Личные.

– Мудрость прагматика, – одобрил Клотагорб. – Действительно в счастливый день судьба вынесла тебя на наш бережок, дружище Каз.

– Возможно. Впрочем, полагаю, что был бы куда счастливее, если бы получше спрятал те кости, что послужили причиной моего внезапного отбытия с корабля. Блаженство, даруемое невежеством, ничуть не хуже любого другого. Ну что ж. – Он пожал плечами. – Все мы следуем потоку событий, которые нам не изменить.

Все с ним согласились, и никто не осознал, что кролик говорит как о загадочных личных мотивах, так и о грядущем катаклизме…

Городской Совет охотно выделил им трехосный фургон и упряжку ломовых ящеров, черных в желтую полоску, а также все необходимые припасы. Некоторые из членов Совета жалели, что два могущественных чародея решили покинуть город, но были среди них и те, кто с радостью увидел волшебника и чаропевца за стенами Поластринду.

Талея правила, а тем временем Флор, Джон-Том, Мадж, Клотагорб и Каз устроили в нагруженном фургоне какое-то подобие жилья. В случае дождя можно было натянуть брезент. В наклонных деревянных бортах были прорезаны узкие щели – для вентиляции и для стрельбы.

Аветикус, великолепный в своем неизменно свежем мундире и столь же неизменно корректный, предложил выделить охрану хотя бы на часть пути. Клотагорб вежливо отклонил предложение, настаивая на том, что чем меньше путешественники будут привлекать внимание, тем проще им будет пересечь незамеченными Мечтравную степь.

Во всяком случае, лучшую охрану, чем Фаламеезар, найти невозможно. Одним своим видом дракон, без сомнения, отпугнет любых агрессоров – разумных и неразумных.

Денек-другой ломовые привыкали к виду дракона, но скоро уже принялись спокойно рысить вперед на длинных изящных ногах. Покачиваясь на шести литых резиновых шинах, фургон чуть ли не летел по дороге, уходящей из города.

Несколько дней мимо мелькали селения и фермы, наконец кончились и они.

Поля золотой пшеницы сменились очень высокой зеленой травой, простиравшейся до самого горизонта – к востоку и северу. Над зеленью висели темные дождевые зимние облака, погромыхивал далекий гром.

Справа над равниной стеной поднимался колоссальный горный хребет, известный как Зубы Зарита. Самые низкорослые из его вершин достигали десяти тысяч футов, а самые высокие дотягивались и до двадцати пяти тысяч. Надо всеми ними окаменелым горбом древнего титана громоздился пик Костолом, заметный издалека – несколько недель путники не теряли его из виду.

Многие были убеждены, что в пещере у вершины обдуваемого всеми ветрами пика обитает Всеведущий Оракул. Даже великие чародеи не могли проникать сквозь ветры, завывавшие вокруг неприступного утеса. К тому времени, когда они набирались мудрости настолько, чтобы осмелиться на подобное путешествие, их поджидала старость… Быть может, поэтому редкие путники, случалось, слышали громовой хохот, обрушивающийся с вершины Костолома, хотя и утверждали, что это был ветер.

Мечтравная степь напоминала заросшее поле. Иногда над густой травой поднимались и другие растения. Тоненькие цветущие деревца образовывали редкие рощи, гигантские подсолнухи качали головами над колышущимся зеленым океаном.

Невзирая на протесты Клотагорба, вооруженный эскорт,

выделенный Аветикусом, ехал до начала дикой степи. Солдаты проводили фургон приветственными воплями.

В Мечтравной степи не было ни троп, ни дорог. Здешняя трава росла быстрее любого бамбука. По словам Каза, ее можно было косить на одном и том же месте четыре раза в день и к вечеру не найти, где ты это делал. К счастью, рвущиеся к жизни травинки были гибкими, и фургон легко подминал их.

Каждая травинка знала свое место, ни одна не стремилась вырасти повыше, чтобы лишить света соседку. Невзирая на гибкость травы, имя свое Мечтравная степь получила вполне по заслугам. И хотя Фаламеезара надежно защищали толстые чешуи, а ящеров – их собственные шкуры, всем прочим приходилось двигаться осторожно: острыми краями трава легко прорезала одежду и кожу.

Джон-Том получил урок достаточно быстро. Перегнувшись через борт фургона, он потянулся за высоким синим цветком. Мгновенная острая боль немедленно заставила его отдернуть руку. По ладони бежала тоненькая алая струйка – словно кто-то быстро чиркнул по ней бритвой. Узкая ранка кровоточила недолго, но чувствовалась не один день.

Несколько раз они замечали долговязых хищников, похожих на псов с головой крокодила. Они часами преследовали фургон, прежде чем исчезнуть в траве.

– Нулпы, – пояснил Каз, выглянув в амбразуру. – Эти бы охотно съели нас, да боятся Фаламеезара. Ничего у них не

получится.

– А ты откуда знаешь?

– Видишь – они исчезают. Обычно стаи нулпов преследуют жертву неделями, пока та не выбьется из сил.

Дни без всяких хлопот превращались в недели. С каждым днем сгрудившиеся на западе грозовые облака приближались, гром становился все отчетливее. Облака сулили непогоду – более суровую, чем тихие ночные дожди.

– Зима все же, – однажды признал Клотагорб. – Как бы нам не попасть в скверную бурю. В таком случае брезента над головой нам не хватит.

Но когда буря наконец навалилась на них, оказалось, что даже волшебник не ожидал от непогоды подобной свирепости. Ветер усилился; он сотрясал тяжелый фургон. Обитатели его чувствовали себя жучками в коробке. Смешанный с дождем снег колотил по деревянным бортам и брезентовой крыше, пытаясь проникнуть внутрь. Ящеры кружком улеглись на траву, не желая двигаться навстречу ветру.

Фургон был широк и устойчив, он не перевернулся. Джон-Том уже начал привыкать к непогоде, когда на четвертый день снаружи раздался отчаянный вопль. Уносимый ветром, он быстро стих.

Молодой человек потянулся за свечой, не отыскал ее и ограничился огнетворкой. Огонек отразился в изумрудных глазах.

– В чем дело? – сонно проговорила Талея. Остальные за-

шевелились под одеялами.

– Кто-то кричал.

– Я не слышала.

– Это снаружи. Крик сразу стих.

Пересчитали всех по головам. Флор, моргая, стряхивала сон с глаз. Неподалеку прислонился к борту фургона Каз. Последним проснулся Мадж, обнаруживший незаурядные способности дрыхнуть под грохот грома, вопли и завывания ветра.

Лишь Клотагорб внимательно принюхивался к ночи.

– Все здесь, – устало сообщила Флор. – Кто же тогда кричал?

Клотагорб, все еще прислушивавшийся, сказал, не поворачивая ни тела, ни головы:

– Самого никчемного и хватятся-то в последнюю очередь. Где Пог?

Джон-Том поглядел на заднюю стенку. Насест в левом верхнем углу пустовал. На стенке виднелись потеки воды, показывая, где разошелся брезент. Джон-Том приблизился: ураган выдрал несколько застежек.

– Сдуло сонного, – констатировал Клотагорб. – Придется его искать. В такую погоду не полетаешь.

Джон-Том высунул голову наружу и тут же втянул ее обратно. Яростный ветер и дождь не только залили ему лицо, но и погасили в душе всякий пыл. Он заставил себя повторить попытку и несколько раз позвал мыша.

Возле отверстия вдруг выросла огромная мокрая голова. Джон-Том даже испугался, но только на минутку.

– В чем дело, товарищ? – вопросил Фаламеезар. – Что-то случилось?

– Мы потеряли… – начал Джон-Том, пытаясь защититься от проливного дождя, – Пога, летучую мышь. Наверное, его выдуло порывом ветра… Он не отозвался, и все мы обеспокоены. Он и в самую лучшую погоду плохой ходок, а в такую бурю только черти летают. Кроме того, вокруг не видно деревьев, за которые он мог бы зацепиться.

– Не бойся, товарищ. Я отыщу его. – Массивное тело в тяжелой броне развернулось к югу, зычный голос воззвал, перекрывая шум бури: – Пог! Товарищ Пог!

Ровный уверенный голос долго доносился до них, наконец и он исчез вдалеке за грохотом бури. Джон-Том смотрел, пока огромная черная фигура не растворилась в ночи, а потом втянул голову под крышу, вытирая воду с волос и лица.

– За ним отправился Фаламеезар, – сообщил юноша встревоженным спутникам. – Непогода для него не помеха, но я сомневаюсь, что ему удастся легко отыскать Пога, если только буря не бросит его прямо на пути дракона.

– Возможно, его унесло не на одну лигу, – скорбел Каз. – Черт бы побрал это проклятое ненастье! – И он в гневе ударил кулаком по стене.

– Пог вел себя неуважительно и нахально, но, при всех своих стонах, прекрасно справлялся с делами, – расстроился

Клотагорб. – Хороший был фамулус. Мне будет не хватать его.

– Волшебник, рано говорить о Поге в прошедшем времени. – Флор попыталась подбодрить Клотагорба. – Фаламеезар может все-таки отыскать его. Quien sabe,[1] возможно, его унесло не так уж далеко.

– Спасибо тебе за добрые речи, моя дорогая. Правильно говоришь.

Фургон трясся, над ними промчался новый порыв ураганного ветра. Все старались удержаться на ногах.

– Однако, как говорит наш чаропевец, погодка все гаже и гаже. А Пог не силач. Так что не знаю…

На следующий день ни мыш, ни Фаламеезар так и не появились, а буря не думала утихать. Теперь Клотагорб беспокоился уже о том, что дракон заблудился и потерял фургон. Или что Фаламеезару попадется какая-нибудь речка, и, решив, что приключения ему наскучили, дракон попросту канет на дно.

– Едва ли, сэр, – усомнился Джон-Том. – Фаламеезар привязан к нам по политическим мотивам. Мы – его товарищи. И он вернется. Бросить нас дракон может лишь из-за какого-нибудь внутреннего кризиса, а его мало что может пронять.

– Тем не менее лучше бы они оба были здесь, время уже поджимает. – Маг-черепаха глубоко вздохнул. – Если зав-

---

[1] Кто знает *(исп.)*

тра прояснится, а я рассчитываю на это, подождем еще один день. Но потом придется продолжать путь или же бросить дело.

– Хоть бы погода помогла, – с надеждой пробормотал Мадж, заворачиваясь в одеяло.

Глава 3

Проснувшись на следующее утро, Джон-Том первым делом поглядел на задний полог. Брезент был аккуратно подвернут вверх, и внутрь фургона лился солнечный свет. Стоя на коленях, Флор выглядывала наружу, ее черные волосы водопадом струились по плечам. Вся она словно искрилась.

Он сел, отбросив все одеяла. Странно было не слышать голос ветра после стольких бурных дней. Не хватало и сделавшегося уже привычным стука капель по брезенту над головой. Опершись о борт, Джон-Том выглянул. Лишь несколько дождевых облаков упрямо висели посреди ясного неба.

Он подобрался поближе к Флор. Мягкий ветерок ерошил гладь Мечтравной степи; бесконечный изумрудный простор с виду был нежнее пушка на девичьих ножках. На фоне далекого ровного горизонта торчали одинокие шапки древовидных одуванчиков.

– Доброе утро, Джон-Том.

– Buenos dias. Que pasa,[2] красавица?

– Ни в чем. Просто наслаждаюсь видом и солнцем. Неделю просидели в этом проклятом фургоне. – Она распушила волосы. – Как белки в клетке.

– Душной клетке. – Юноша глубоко вдыхал свежий воз-

---

[2] Добрый день. В чем дело? *(исп.)*

дух, пропитанный запахом влажной после дождя травы. А потом перебрался через борт на заднее сиденье фургона.

Он медленно огляделся. Нигде не было видно ничего, кроме синего неба и зеленой травы. На таком фоне даже сам Фаламеезар показался бы угольной кучей на белом снегу. Но ни дракона, ни Пога не было видно.

– Ни того, ни другого, – разочарованно констатировал Джон-Том и, повернувшись, оглядел фургон. Талея только что высунула голову из-под одеяла и сонно моргала, уставясь на него; рыжие кудряшки, обрамлявшие личико, казались нарисованными.

– Я очень озабочен, – начал Клотагорб. Он сидел в передней части фургона и помешивал в горшочке горячий чай. На переносной плитке весело пыхтел небольшой медный чайник. – Возможно, что… – Он смолк, показал на Джон-Тома и открыл рот. Джон-Том расслышал только начало фразы:

– Я полагаю, что здесь кто-то есть, пото…

Джон-Тома дернули за лодыжки. Размахивая руками, как ветряная мельница, он полетел с помоста, крепко при этом приложившись. Трава лишь незначительно смягчила удар.

Перед глазами поплыла черная, усеянная яркими звездами пелена, однако Джон-Том все-таки не вырубился. Тьма лишь ненадолго затмила его глаза. Но к тому времени, когда в голове молодого человека просветлело, руки его вытянули над головой, кисти и лодыжки стянула тугая веревка. Поглядев на ноги, он обнаружил на них путы, а чуть повыше ока-

залась на диво уродливая физиономия.

Обладатель ее ростом не превышал двух с половиной футов. Создание напоминало пародию на человека. На взгляд Джон-Тома, получилось нечто среднее между эльфом и коренастым пропойцей. Округлую физиономию украшала густая черная борода.

Из сих джунглей смотрели два больших карих глаза. Между ними бульбочкой выпирал округлый нос, и все это обрамляла пара огромных обвислых ушей, непонятным способом пробивавшихся из густых жестких волос. Внизу под всклоченной шевелюрой виднелось нечто вроде одежды.

Толстые корявые пальцы проверили прочность веревок. Громадные ступни украшала пара сандалий, подходящих по размеру даже распростертому юноше.

Другие узлы довязывал еще один урод – поменьше. Он оказался блондином. В противоположность первому глаза его были водянисто-голубыми.

Кто-то вспрыгнул на грудь Джон-Тому, не давая ему вздохнуть. Новоявленный пришелец был словно выкован из железа и оказался весьма мускулистым. В мышцах его не было стройности культуриста, они скорее напоминали обманчиво гладкую, прикрытую жирком мускулатуру тяжелоатлета.

Это была самка. Из подбородка ее торчало несколько рыжих редких волосинок. Она и выглядела не симпатичнее обоих самцов. Самка размахивала кулаком перед но-

сом Джон-Тома и безостановочно трещала. Впервые после встречи с Маджем – на лужку – слова в этом мире ничего ему не говорили.

Он отвернулся, чтобы не видеть докучливого кулака. Из фургона доносились гневные голоса и удары. Он поглядел направо, но трава укрывала все, что там творилось.

Уверен Джон-Том был только в одном: степь кишела дюжинами этих быстрых и раздраженных тварей.

Ломовые ящерицы задергались и нервно зашипели, когда маленькие чудища принялись возиться с упряжью и вожжами. Оглохнувший от пчелиного жужжания нападающих Джон-Том с трудом разбирал голоса. Выделялся Каз, говоривший на незнакомом языке, напоминавшем речь их пленителей. Мадж попеременно ругался и оплакивал горькую судьбину, Талея же грозила нападавшим и утверждала, что если с груди ее немедленно не уберут эти самые огромные лапы, то из всех окрестных бород она наделает фитилей.

Принесли шест, продели его под узлами на запястьях и лодыжках. Джон-Тома подняли в воздух и в каких-то Дюймах от земли повлекли прочь – с довольно значительной скоростью. Он мог видеть, что шест несут по меньшей мере шестеро – по трое в ногах и у головы. Движение казалось очень быстрым из-за близости к земле. Юноша лихорадочно молился о том, чтобы ориентация носильщиков была такой же эффективной, как и мускулатура. Похитителей острая трава явно не беспокоила.

Изогнувшись, он увидел, как следом повернул фургон.

Джон-Том ожидал долгой тряски и синяков, однако его бесцеремонно сбросили с плеч едва ли не сразу. Флор положили возле него. По одному поднесли и уложили рядом остальных его спутников. Трава примялась, и он всех видел отчетливо.

Друзья лежали рядком, на манер кебаба. Подобная аналогия отнюдь не радовала.

Чтобы избежать пленения, Клотагорб удалился в глубины панциря, и похитители просто подняли его, чтобы отнести куда нужно. А когда маг наконец выставил руки и ноги, они уже ожидали с арканами и веревками. Впрочем, удалось зацепить только одну ногу, все остальное чародей снова втянул в панцирь.

Изнутри донеслось его бормотание. Это вызвало среди похитителей оживленную беседу, после которой они принялись колотить и лягать недвижное тело.

Бурной деятельностью руководил один из них, обильно обвешанный металлическими и костяными украшениями. Существа полезли в панцирь и вскоре сумели вытащить голову возмущенной, протестующей черепахи. Совместными усилиями они затолкали ему в рот несколько пучков травы. Клотагорб потянулся, чтобы извлечь кляп, тут-то конечности его тоже связали. Чародей наконец изнемог и сдался.

Украшенное костью и металлом создание радостно запрыгало и принялось тыкать длинным, декорированным пе-

рьями шестом в лежащего Клотагорба. Сей модник, должно быть, местный шаман или знахарь, подумал Джон-Том. Этот шут догадался, что под прикрытием панциря Клотагорб произносит заклинание, и лишил своего оппонента всех возможностей совершить волшебство.

Джон-Том лежал тихо и размышлял, догадались ли бы они о волшебной природе его музыки… Однако он лежал связанный на земле, а дуара осталась в фургоне.

Неподалеку послышались стоны. Извернувшись, юноша увидел, как один из похитителей без всякой причины и, увы, достаточно сильно пинает Талею. Всякий раз, услышав проклятие, мучитель бил девушку. Она дергалась от боли, но проходило несколько минут, и у нее хватало сил на новое крепкое выражение.

– Отстань от нее! – рявкнул молодой человек. – Выбери себе равного противника.

Существо отреагировало. Оставив Талею, оно подошло к Джон-Тому и с любопытством уставилось вниз, на лицо лежащего, а потом что-то забормотало.

Джон-Том широко улыбнулся.

– И тебе того же, дерьмак неотесанный.

Едва ли существо могло понять смысл этих слов, однако оно истолковало фразу вполне однозначно и стало пинать теперь уже его. Сжав зубы, Джон-Том решил, что не доставит этой твари удовольствия и не издаст ни звука.

Когда после нескольких ударов реакция юноши ограничи-

лась яростным взглядом, развлечение надоело и докучавшая ему тварь отправилась судачить о чем-то со своими соплеменниками.

Оказалось, что для этого племени драки – обычное дело. Оглядевшись вокруг, Джон-Том с удивлением заметил крохотные сооружения, кострища, а также безволосые маленькие копии взрослых уродов, которые могли быть только детенышами. На спинах зеленых и голубых ящериц виднелись вьюки – рептилии служили мулами. Вокруг шестерых связанных путешественников кипела деловитая и безжалостная жизнь.

Судя по хижинам и кострищам, уроды достаточно долго обитали в этом месте. Джон-Том пытался прикинуть длину своего вынужденного пути в связанном виде.

– Боже правый, – пробормотал он, – мы стояли, самое большее, в сотне ярдов от этого городка, но так ничего и не заметили.

– Мимпа в траве не увидишь, – ответил ему Каз. Поглядев направо, Джон-Том увидел обращенные к нему кроличьи уши. – Они передвигаются в ней незаметно для всех своих врагов.

– Зови их как хочешь, а по мне – вылитые тролли. Впрочем, я всегда полагал, что тролли живут под землей. Весьма уродливая компания.

– О троллях, друг мой, мне ничего не известно, а мимпа живут в степях.

– Кишат, как блохи в шкуре, – возмутился лежащий поблизости Мадж. – Во затею им дезинфекцию, ежели сбегу!

Теперь Джон-Том уже мог видеть голову выдра. Шляпа на ней отсутствовала – должно быть, сбили во время потасовки в фургоне. Выдр извивался, намереваясь выкрутиться из пут.

Из всех путешественников лишь он один мог сравниться в энергии с похитителями, однако порвать веревки был не в состоянии.

Джон-Том обернулся к кролику.

– А ты можешь поговорить с ними, Каз?

– Кажется, я немного понимаю их речь, – ответил кролик. – Бывалый путешественник вечно подхватывает самые неожиданные знания. А вот чтобы поговорить… Едва ли. В беседе участвуют двое, а эти типы что-то уж больно неразговорчивы с незнакомцами.

– А как получилось, что мы не понимаем их?

– Наверно, это потому, что мимпа не приемлют ничего, что мы называем цивилизованной жизнью. Они закоснели во вражде и ненависти… Воинственны до безумия. Хорошо б сгнили все до последнего.

– Аминь, – присовокупила Флор.

– А что они сделают с нами, Каз?

– Как раз сейчас об этом и речь. – Кролик взмахнул не связанным ухом. – Видите того, с побрякушками, местного щеголя? Того, кто, к несчастью, помешал Клотагорбу сотво-

рить заклинание? Он сейчас спорит с парочкой типов, пожалуй, худших, чем он сам. У них там нечто вроде совета.

Джон-Том наклонил голову так, чтобы видеть шамана в компании двух столь же напыщенных и громкоголосых уродов.

Один из них на манер китайского мандарина был украшен вислыми усами, доходящими почти до огромных плоских ступней. Растительность на макушке отсутствовала. Третий член сего неопрятного триумвирата носил остроконечную бороду и напомаженные усы, волосы на голове были стрижены под горшок. Одежда всех троих была схожа.

– Пока я понимаю вот что, – сказал Каз. – Лысый хочет нас отпустить, а Стриженый с Большеротом твердят, что охота последнее время плохая, а потому нас подобает принести в жертву богам степи.

– И кто же побеждает? – пожелала узнать Флор. Джон-Том подумал, что на лице ее, пожалуй, впервые проступил испуг. Теперь его разделяли и все остальные.

– А нельзя с ними как-то договориться? – спросил он с надеждой. – Может, начнем с того, кто заткнул рот Клота-горбу? Кстати, как его зовут по-настоящему?

– Я уже сказал, – ответил Каз. – Его зовут Большерот. Стриженый, Лысый и Большерот – так переводятся их имена. Нет, с ними не поговоришь. Даже если бы я знал язык, они бы мне и слова не дали вставить. У них, похоже, кто громче орет, тот и прав, за ним и победа в споре.

– Ну, если дело в крике – почему не попробовать?

– Боюсь, если я их перебью, они мне язык отрежут. Не стоит рисковать, мой друг.

Впрочем, это было несущественно, поскольку дебаты закончились. Лысый помахал пальцем перед рылом Большерота. Тот, нахмурившись, пнул чрезмерно настырного соплеменника прямо в пах. А когда Лысый перегнулся, Стриженый огрел его по голове небольшой, но весьма аккуратной дубинкой, самым эффективным образом завершив дискуссию.

Взволнованные слушатели разразились восторженными воплями… Рты их, как и тела, похоже, не знали покоя.

Джон-Том попытался представить себе, какой метаболизм способен обеспечить гуманоидному телу такую активность.

– Боюсь, что единственного нашего защитника вывели из строя, – сообщил Каз.

– А я не хочу умирать, – пробормотала Флор, – здесь, в этом месте. – И начала «Богородице Дево» по-испански.

– Я, представь себе, тоже не хочу, – раздраженно рявкнул на нее Джон-Том.

– Ничего этого нет, – сказала девушка. – Это сон.

– Извини, Флор, – осадил ее Джон-Том. – Я уже ходил этой дорожкой. Это не сон. До сих-то пор тебе нравилось здесь, не забыла?

– Все было так чудесно, – шептала Флор. Она не плакала, однако едва сдерживала слезы. – И наши друзья, и стран-

ствие, и это приключение в Поластринду – когда мы тебя освободили… Я всегда именно так все и представляла. Но погибнуть от рук невежественных туземцев… Это же совсем другое! А они могут нас на самом деле убить?

– Вполне. – Джон-Том чересчур устал и был слишком испуган, чтобы иронизировать. – Я полагаю, что мы и в самом деле умрем, что нас действительно похоронят. Червей кормить будем, если не выберемся отсюда.

Он укоризненно глянул на Клотагорба, однако чародей лишь закрыл глаза в качестве извинения.

Если бы кто-нибудь сумел вытащить кляп изо рта Клотагорба, когда эти твари отвлекутся, подумал юноша. Подойдет любое заклинание, даже если оно просто переключит их внимание.

Но, при всей своей дикарской природе, мимпа не были дураками. Впрочем, Каз напрасно считал их невежественными. Этой ночью они почти не обращали внимания на пленников, кроме Клотагорба, но того уже тщательно стерегли.

В полночь или около того пленники стали гвоздем грубого празднества. Крошечными топориками срубили траву, расчистив кружок. Пленников поместили в середину его на кучу вонючих бурых катышков.

Флор морщила нос, пытаясь дышать ртом.

– Mierda…[3] Что это они сюда навалили?

– По-моему, это сушеный смолотый помет ящериц, – со-

---

[3] Дерьмо *(исп.)*

общил озабоченный Каз. – Боюсь, погибли мои чулки.

– Это тоже часть обряда? – Джон-Том успел попривыкнуть к разнообразным вариантам зловония.

– Не только, мой друг. Похоже, что таким образом здесь сдерживают рост трав. Эффективное средство – хотя и неприятное для носа.

Развели кружок костров – в непосредственной близости от связанных пленников. Джон-Том, пожалуй, насладился бы варварским великолепием зрелища и пылом аборигенов, не окажись он в положении свиньи на пиршественном столе.

– Ты сказал, они собрались принести нас в жертву богам степи. – Обращаясь к Казу, молодой человек отчаянно старался сохранить присутствие духа и здравый смысл. – Интересно, каких это богов они имеют в виду?

Джон-Том вспомнил гибких длинноногих хищников, которые, словно ленты, скользили за ними в траве всю первую неделю после выхода из Поластринду.

– Я еще не понял, друг мой. – Кролик пренебрежительно фыркнул. – Во всяком случае, не сомневаюсь: подобная смерть – не для джентльмена.

– Значица, выхода нет? – Иссяк даже неистощимый оптимизм Маджа.

– А я-то надеялся, – заметил кролик, – умереть в своей постели.

Мадж присвистнул, обретая кое-какую бодрость духа.

– Конечно, приятель. Чего ж я не подумал об этом? В этой

дыре у меня все мысли сикось-накось пошли. Держу пари – не одному мне…

– Не в постели умирать или в мыслях путаться? – с улыбкой переспросил Каз.

– И то, и то, так я и подумал.

Выдр снова присвистнул, и оба они расхохотались.

– Как приятно, что кого-то ситуация забавляет. – Талея свирепо глянула на остроумцев.

– Что ты, – сказал Каз уже поспокойнее. – На мой взгляд, огненная головка, радоваться нечему. Руки и ноги у нас связаны, ни бальзама, ни мази для синяков не добудешь, и раз я ничего не могу поделать со своим телом, можно попытаться исцелить дух. Смех в таких случаях помогает.

Джон-Том видел, как девушка отвернулась от кролика, перепутанная гривка огненных волос ее зарделась в отсветах многочисленных костров. Плечи Талеи опустились и молодому человеку инстинктивно захотелось утешить ее.

Странными бывают ситуации, в которых мы постигаем суть человека. Талея оказалась не способной на смех… даже на радость. Он удивился.

Боевой дух и энергия не всегда свидетельствуют о том что человек счастлив. Он понял, что жалеет девушку.

Можешь и себя заодно пожалеть, напомнил Джон-Тому внутренний голос. Если тебе не удастся улизнуть от этих пигмеев-параноиков, жалеть скоро будет нечем.

Стараясь освободиться от пут, юноша пополз в поисках

острого камня, но жирная глинистая почва содержала лишь гальку.

Не сумев отыскать ничего подходящего, он принялся пилить веревки ногтями. Прочные волокна и не думали поддаваться… Наконец тщетные попытки утомили его, и Джон-Том забылся глубоким тревожным сном.

Глава 4

Открыл глаза он уже наутро. От потухающих кострищ к облакам поднимались дымные струйки, призраками серея над лишенным травы кругом.

Вновь пущены были в дело шесты, и Джон-Тома оторвали от земли. Флор несли рядом с ним, остальных тащили сзади. Как и вчера, путешествие оказалось недолгим – три или четыре сотни ярдов от стоянки.

Собралась целая толпа любопытных. Шесты убрали. Мимпа обступили шесть недвижных тел. О чем-то треща между собой, они усадили пленников колесом – спина к спине, ноги торчали спицами. Руки связали так, чтобы никто не мог опуститься на спину или шевельнуться. Посреди установили огромный кол, рьяно вколотили его в землю и привязали к нему плечи пленников.

Теперь они сидели посреди новой расчистки, столь же вонючей, как и первая. Удовлетворившись состоянием места, мимпа расступились и принялись переговариваться на своей тарабарщине, указывая на привязанных к шесту пленников. Все это очень не понравилось Джон-Тому.

Невзирая на прохладу зимнего утра и плотные облака, ему было жарко без всякого плаща. Ногтями и движениями рук молодой человек пытался разорвать путы. Он поломал ногти, веревки покрылись пятнами крови, однако волокна не

только не порвались, но даже не растянулись.

Наряду с прочими бесполезными фактами он заметил, что трава еще влажна после ночного дождя… и что ноги его указывают прямо на север.

Клотагорб хотел заговорить. Кляп мешал понять его, и сил в старческом теле не хватало, чтобы продолжить попытки.

– А ногами шевелить можно, – подметил Джон-Том, поднимая связанные ноги и с силой ударяя ими о землю.

– Действительно, лучшей позиции для обороны просто не придумаешь, – согласился Каз. – Спины защищены, мы не совсем беспомощны.

– Если сюда явятся нулпы, они узнают, какие у меня ноги. – Мрачная Флор для пробы брыкнула.

– Счастливчики, – позавидовал Мадж.

– Что у тебя за голова, выдр, la cabeza bizzara.[4] – Подобрав колени к груди, она вновь выбросила ноги вперед. – Любой хищник, оказавшийся около меня, поплатится за это зубами или поперхнется моим каблуком.

– Возможно, – заметил Каз. – Однако я полагаю, что все мы размечтались. – Он кивнул в сторону бормочущих внимательных кочевников. – Они не обнаруживают страха ни перед кем. По-моему, нас ждет противник настырный и близорукий.

Действительно, если ожидалось появление свирепого хищника, мимпа не стали бы крутиться неподалеку. Они

---

[4] Кочан растрепанный *(исп.)*

держались спокойно и чего-то ждали – испытывая страх не больше, чем дети на пикнике воскресной школы.

Какого же прожорливого божка они ожидают?

– А вы ничего не слышите?

Неуверенный вопрос Талеи заставил всех примолкнуть. В выжидательных позах немедленно застыли и мимпа. Значит, приближается. Джон-Том напрягся и подобрал ноги. Он будет отбиваться изо всех сил, а если кто-нибудь из этих хищников доберется до него, то, следуя совету Флор, он запихнет тому ноги в пасть и постарается задушить. Они будут отчаянно сопротивляться, и, если никто из шестерых не спасует, возможно, им все же удастся отогнать этого хищника или хищников.

К сожалению, им грозили не пасти.

Напрягшись, Джон-Том мог увидеть гладь степи. Над зеленью высилась роща, усеянная роскошными голубыми и розовыми цветами. То, что она движется, он осознал не сразу.

– Где ты видишь движение? – спросила Талея.

– Там, откуда доносится шум. – Он кивнул в сторону севера. – Где-то там.

– А что ты видишь?

– Не много. – Цветы продолжали приближаться. – Цветущие заросли, они становятся все ближе и ближе. Камуфляж или предохранительная окраска.

– Боюсь, что угроза окажется более основательной. – Нос Каза дергался.

Клотагорб испустил глухой требовательный стон.

– Боюсь, что пятками не отобьешься, – продолжил Кролик, явно упав духом. – Кажется, нас подложили на пути Бродячего Скачикорня.

– Что это такое? – удивилась Флор. – Язык сломаешь, прежде чем выговоришь.

– И не только язык, черноволосая. – Кролик усмехнулся в усы. – Боюсь, что очень скоро мы все с ним познакомимся.

Они вновь возобновили попытки освободиться, а тем временем вопли выжидающих мимпа усилились. Аборигены уже прыгали на месте, колотили по земле копьями и дубинками и, блаженствуя, показывали пленникам на цветы.

Обессилевшая Флор осела на землю, бросив попытки освободиться.

– Зачем они так поступили с нами? Мы же ничего им не сделали.

– Мозги примитивных созданий иначе понимают причинно-следственные связи, определяющие нашу жизнь. – Каз принюхался, опустил уши. Нос кролика находился в постоянном движении. – Да, Скачикорень. Вот-вот увидим.

Вопли и визги впавших в истерику мимпа начал перекрывать иной звук – жуткий, ровный, напоминающий треск мелких сучков под ногами… Или капли дождя, барабанящие по крыше… Или же ровный хруст сотни мышей, грызущих штукатурку. Но более всего он напомнил Джон-Тому собравшуюся в театре толпу, с хрустом жующую воздушную

кукурузу, не отрываясь от зрелища. Шум явно был связан с поглощением пищи.

На севере зашелестела трава. С ужасом пленники пытались разглядеть, что творится за зеленью.

Вдруг между тонкими, привычными уже стеблями мечтравы появились иные – темные листья. Сперва они казались обычными, только принадлежавшими другому растению, однако на конце каждого змеей извивающегося оливкового стебля был округлый роток с мелкими зубами, впивающимися в стебли мечтравы. Ели рты неторопливо, но их были дюжины и дюжины, и трава исчезала столь же равномерно, как под косилкой.

Спутанные жутко живые стебли уходили в буро-зеленый лабиринт сплетенных ветвей, сучьев и стволов, над которыми трепетали прекрасные псевдоорхидеи с розовыми и голубыми лепестками.

У подножия медленно перемещающейся растительной массы змеились белые пушистые черви. Они глубоко зарывались в почву, а из зарослей постоянно появлялись все новые и, подобно лапкам сороконожки, втыкались в землю.

– Я никогда не видела ничего подобного, – с отвращением проговорила Талея.

– Это не животное. Во всяком случае, по-моему, – пробормотал Джон-Том. – Похоже на растение, подвижную колонию, замкнутую растительную экосистему.

– Зачем волшебные слова? – Талея без малейшего успеха

рвалась из веревок. – Они нас не могут освободить.

– А видите, – сказал он, заинтересованный и устрашенный, – как оно движется? Выставляет вперед корни.

– Не просто движется, – заметил Каз. – Очищает землю от растительности. Выстригает в степи ровную и аккуратную тропинку – как сенокосилка.

– Но мы же не растения и не имеем к степи никакого отношения. – Флор тупо уставилась на приближающиеся растения.

– Вопросы гражданства и прочего Скачикорень не беспокоят, – устало отозвался кролик. – Он потребляет все, что попадется, и наверняка способен сожрать все, что не сможет убраться с его пути.

Теперь на расчистке уже оказалась большая часть Скачикорня. Мимпа отодвинулись назад, но тем не менее продолжали наблюдать за его приближением и воздействием на потенциальных жертв. Растение это оказалось много больше, чем поначалу показалось Джон-Тому. В ширину оно составляло около двадцати футов.

И если за ним, как только что объяснил Каз, пролегает лишь полоса голой земли, значит, вот-вот от них и косточек не останется.

Ожидание было ужасным. Куст, казалось, двигался слишком неспешно. Скачикорень смещался на дюйм-другой каждые несколько минут, он приближался медленно, но неотвратимо. При такой скорости растение не сразу пожрет их,

и сидящие с южной стороны вынуждены будут наблюдать за муками своих спутников, оказавшихся ближе к Скачикорню.

Все это сулило путешественникам жуткую смерть, перспектива быть свидетелями ее вселяла немалую радость в ожидающих мимпа.

Зацепив носком мягкую землю, Джон-Том отшвырнул ее ногой. Комки земли и мелкие камешки застучали по ветвям приближающегося куста. Но ни гибкие щупальца, ни методично жующие рты ничего не ощутили. Даже если бы пленники имели оружие и были свободны – все равно разумнее было бы бежать, а не пытаться вступить в бой.

Отвратительное дело, подумал Джон-Том, погибнуть таким образом – принять смерть от создания, не только не испытывающего к ним вражды, но просто неразумного. Кусту нечем было заметить лежащих: отсутствовала голова, центральная нервная система… Никаких внешних органов чувств. Ни глаз, ни ушей. Куст лишь кормился и передвигался, демонстрируя высшую степень непритязательной эффективности. Простой преобразователь массы в энергию, лишь способностью перемещаться отличающийся от травинки, деревца, кустика черники.

С известным извращенным интересом наблюдал Джон-Том за дюжинами ненасытных пастей, втягивающих в себя каждый стебелек, подбиравших с земли каждого жучка.

– Нужен огонь, – пробормотал он. – Огнетворку бы или дуару. Или пусть заговорил бы Клотагорб.

Но, невзирая на все свое чародейское могущество, маг-черепаха напрасно старался освободиться. Путы и кляп оставались на месте, и он мог лишь беспомощно – как и прочие – разглядывать приближавшегося к ним тысяченогого представителя флоры.

– Я не хочу умирать, – шепнула Флор, – тем более таким образом.

– Теперь не отвертишься, милашка, – ободрил ее Мадж. – И нечего волноваться о том, что еще будет, а то со страху умрешь. Впрочем, точно, пакостная смерть.

– Да какая разница, – устало сказал Джон-Том. – Смерть есть смерть, какой бы она ни пришла. К тому же, – он сухо усмехнулся, – если учесть, сколько я съел овощей и салата, в таком конце есть известная справедливость.

– И ты еще способен шутить? – Флор, не веря, смотрела на юношу.

– Потому что не вижу в этом ничего смешного.

– Какой-то ты бестолковый…

– Сама ты бестолковая! – закричал он. – И весь этот мир бестолковый, и жизнь. Все бытие здесь бестолковое!

Она отшатнулась, но Джон-Том утихомирился столь же быстро, как и взорвался.

– А теперь, раз мы решили все вечные вопросы касательно смысла жизни, давайте покачаем проклятый кол – туда, на юго-запад. Готовы? Раз, два, три…

Они изо всех сил упирались ногами, однако скоордини-

ровать движения шести существ разной силы и роста достаточно сложно, даже если они не привязаны к столбу.

Кол пошатнулся, но не упал. Отчаянные попытки освободиться доставляли лишь неподдельную радость приземистым наблюдателям.

Но приближающийся Скачикорень не собирался ни на что реагировать.

Только когда куст оказался буквально в каком-то футе от ног Джон-Тома, явилась палочка-выручалочка. С криками ужаса и ярости мимпа растворились в зарослях мечтравы. Правую щеку Джон-Тома опалил жар. Пламя взревело в ушах второй раз, а затем и третий.

К этому времени остановился и Скачикорень; многочисленные пасти корчились в безмолвной жуткой пародии на боль, а дивные голубые цветы в лживой своей красе, почернев, осыпались пеплом. Спаленный куст не издал ни звука.

Над пленниками навис крылатый силуэт. В одном крыле его был короткий кривой ножик, торопливо рассекший путы.

– Черт меня побери, уж не думал, чдо мы вас найдем! – выпалил взволнованный Пог. Взгляд огромных глаз его метался от одной связанной фигуры к другой. – И не нашли бы, кабы не фургон. Кроме него, из вонючей травы ничего не торчит.

Освободив Клотагорба, мыш направился к Джон-Тому.

Не имея оставшихся в фургоне очков, Клотагорб сощу-

рился, растирая затекшие руки и ноги. Травяной кляп он отбросил в сторону.

– Лучше поздно, чем никогда, мой добрый фамулус. Ты спас нас и тем услужил миру. Пог, вся цивилизация в долгу перед тобой.

– Ага, босс, в самое яблочко. Истинная правда. Жаль будет, если эда штуковина, как всегда, позабудет о своем долге.

Оказавшись на свободе, Джон-Том поднялся на ноги и заковылял к фургону.

– Куда ты, мой мальчик? – поинтересовался волшебник.

– За дуарой. – Страх уже успел уступить место гневу. – Хочу спеть песню-другую нашим приятелям. Едва ли мне представится еще один шанс. Нужно поторопиться, пока слова не забыл. Сейчас вы своими ушами услышите их, Клотагорб. Неприятная штука, но нашим дружкам…

– Юноша, у меня нет ушей, в отличие от тебя. И я советую тебе сдержаться.

– Сдержаться? – Он повернулся к волшебнику, шагнул в сторону обугливающихся останков Скачикорня. – Эти гады не только хотели, чтобы это чудище медленно пожирало нас, они тут еще сидели и развлекались! Пусть слову «месть» нет места в лексиконе волшебников, но я его еще не забыл.

– Зачем, мальчик мой? – Клотагорб вперевалку приблизился и умиротворяюще положил ладонь на руку Джон-Тома. – Заверяю тебя, что и сам не испытываю ни малейшей симпатии к нашим внезапно отбывшим приятелям-абориге-

нам. Но ты же сам видишь – их нет.

И действительно, оглядевшись, Джон-Том не заметил ни одной уродливой физиономии, руки или ноги.

– Трудно наложить заговор на то, чего не видишь, – сказал чародей. – И не следует забывать о непредсказуемости твоего дара. Подгоняемый разбушевавшимся гневом, ты можешь создать нам новые сложности. Не хотелось бы, например, оказаться посреди стаи беснующихся демонов, которые, не найдя поблизости мелкой дичи, набросятся на нас.

Плечи Джон-Тома опустились.

– Ну, хорошо, сэр. Вам лучше знать. Но если я только замечу одного из этих мерзавцев – проткну посохом, как жабу.

– Весьма нецивилизованное желание, друг мой, – вступил в разговор Каз, отряхивающий грязь со шкуры и тонких шелковых чулок. – Но я от всего сердца разделяю его. – Кролик похлопал юношу по спине. – Это нам и нужно: поменьше мысли, побольше кровожадности. Режь, коли, руби и ура!

– Ну что ж… – Собственная бездумная ярость несколько смутила Джон-Тома. Она как-то не вязалась с его представлением о себе. – По-моему, после такого в стремлении отомстить нет ничего неестественного.

– Конечно же, – с готовностью согласился Каз. – Все абсолютно естественно.

– Что там абсолютно естественно? – К ним ковыляла Флор. Правая нога ее еще не отошла. Выглядела она, по мнению Джон-Тома, великолепно, несмотря на перенесенные

испытания.

– Да вот наш высокий друг решил сделать шашлык из кочевников, если только удастся изловить их.

– Si,[5] я тоже за это. – Она направилась к фургону. – Возьмем оружие и поищем их.

На этот раз ее остановил сам Джон-Том. Собственное поведение в сравнении с исполненным достоинства и сдержанным Казом смутило его.

– Я не о том, чтобы забыть и простить, – сказал он, вздрагивая, как бывало всякий раз, когда он касался ее тела. – Это нецелесообразно; они могут вновь напасть на нас, если все еще крутятся в траве неподалеку.

– Но поглядеть все-таки можно! – запротестовала Флор. – Какой же ты мужчина?

– Хочешь удостовериться? – с вызовом бросил он. Она посмотрела на него и невольно расхохоталась. Рассмеялся и Джон-Том – отчасти от облегчения, отчасти от невзыскательной шутки.

– Ну, о'кей, – наконец остановилась Флор. – Значит, у нас найдутся дела поважнее. Si?

– Именно, юная леди. – Клотагорб махнул в сторону фургона. – Приводите себя в порядок – и в путь.

Но Джон-Том не стал подниматься в фургон вместе со всеми, и пока спутники его устраняли там хаос, устроенный мимпа, направился обратно к полянке посреди травы, едва

---

[5] Да *(исп.)*

не ставшей их братской могилой. Там над обугленной грудой ветвей высился Фаламеезар. Он сидел на задних лапах и огромным когтем задумчиво шевелил угли и пепел.

– Не могу передать, как мы благодарны тебе, Фаламеезар. Но я больше всех остальных.

Дракон посмотрел на него невидящим взглядом, едва замечая молодого человека, и прогромыхал с неожиданной скорбью:

– Я так ошибся, товарищ! Я совершил такую серьезную ошибку!

Дракон вздохнул. Все внимание его было обращено к обугленным дымящимся останкам Скачикорня.

– Что тебя встревожило? – спросил Джон-Том. Приглядевшись, он с благодарностью коснулся бронированного бока.

Голова чудища со скорбью обратилась к нему.

– Я погубил, – простонал дракон, – идеальную коммуну… По-настоящему коммунистический организм.

– Нельзя так говорить, Фаламеезар, – возразил Джон-Том. – Едва ли это существо обладало мозгом.

– Едва ли. – Фаламеезар медленно качнул головой, вид его и голос были настолько унылы, насколько это вообще возможно для дракона. Из ноздрей время от времени вырывались небольшие клубы дыма. – Я тут разобрался, как было устроено это создание. Куст состоял из множества отдельных существ: все они были переплетены, перепутаны и взаимо-

зависимы. И тем не менее функционировали самым идеальным и гармоничным образом – без всяких хозяев.

Джон-Том отступил от бронированного бока.

– Прости. – Озабоченный состоянием Фаламеезара, он задумался, стараясь не задеть дракона. – Неужели было бы лучше, если бы он постепенно сглодал нас?

– Нет, товарищ, конечно же, нет. Но я вовремя не понял его внутреннего устройства. Следовало просто направить его мимо вас. А вместо этого мне пришлось уничтожить идеальный пример… Образец, к которому должно стремиться цивилизованное общество. – Дракон вздохнул. – Боюсь, что я заслуживаю наказания.

Слегка обеспокоенный Джон-Том махнул в сторону бесконечных просторов Мечтравной степи.

– Товарищ, здесь нас поджидает столько опасностей, не говоря уже о самой главной… Той чудовищной, о которой мы столько говорили.

Дело клонилось к вечеру. Скорбные облака сулили ночью очередной дождь, заметный холодок грозил даже снегом. Здесь, на травяной равнине, запахло настоящей зимой.

Холодное дуновение ее со стороны заходящего солнца проникло под грязную одежду Джон-Тома.

– Фаламеезар, мы нуждаемся в тебе.

– Извини, товарищ. Теперь у меня есть свои беды. С будущими несчастьями вам придется сражаться без моей помощи. Я испытываю глубокое раскаяние в содеянном, тем

более что даже небольшое раздумье позволило бы избежать этого скорбного результата.

Дракон повернулся и побрел по траве в сгущающуюся ночь, топча могучими ногами мечтраву, упруго поднимавшуюся за его спиной.

– Ты уверен, что это необходимо? – Джон-Том проводил друга до края прогалины и протянул к нему руки. – Ты в самом деле необходим нам, товарищ. Мы должны помогать друг другу перед лицом великой беды, грозящей всем нам. Вспомни о приходе эксплуататоров.

– Джон-Том, у тебя есть другие товарищи, они помогут тебе, – отозвался дракон из-за волн зеленого моря. – А у меня нет никого.

– Но ты же один из нас!

Дракон покачал головой.

– Нет, не сейчас. Какое-то время я надеялся на это. Но я сплоховал… Следовало освободить вас, обойдясь без убийства.

– Но как? Времени ведь уже не оставалось!

Юноша едва видел темный силуэт дракона.

– Прощай.

– Прощай, Фаламеезар. – Джон-Том подождал, пока дракон не исчез вдали, и разочарованно поглядел на землю.

– Черт! – бросил он с досадой.

Он вернулся к фургону. Зажгли фонари. В их знакомом мирном свете Каз с Маджем проверяли состояние ящериц.

Флор, Клотагорб и Талея приводили в порядок припасы. Очки чародея пребывали на должном месте. Выглянув наружу, он посмотрел на Джон-Тома, приближавшегося, засунув руки в карманы, к фургону.

– Что случилось, мой мальчик?

Джон-Том оторвал взгляд от земли, кивнул на юг.

– Фаламеезар покинул нас. Расстроился оттого, что убил поганого Скачикорня. Я пытался отговорить его, но он уже все твердо решил.

– Молодец, что попробовал, – утешил его Клотагорб. – Мало у кого хватит храбрости оспорить решение дракона. Они очень упрямы. Ну, ничего. Справимся и без него.

– Среди нас он был самым сильным, – разочарованно пробормотал Джон-Том. – За полминуты он управился с мимпа и Скачикорнем. Разве мы, даже все вместе, способны на это? Что вспоминать о том, от скольких неприятностей избавило нас одно только его присутствие.

– Верно, грубой силы его нам будет не хватать, – согласился чародей, – однако мудрость и интеллект сильнее любой физической мощи.

– Возможно. – Джон-Том запрыгнул в фургон. – Однако хотелось бы иметь эту самую грубую силу.

– Не следует оплакивать потери, – продолжал Клотагорб. – Надо идти вперед. Во всяком случае, мимпа потревожат нас не скоро, им сразу не остановиться. – И он хихикнул совершенно неподобающим для чародея образом.

– Значит, немедленно отправляемся дальше?

– Куда-нибудь недалеко. Надо же отъехать от этого места. А потом выставим стражу – на всякий случай – и завтра утром продолжим путь. Неприятная погодка, как бы не сбиться с дороги. Кстати, не знаю, как вы, молодежь, но мое усталое тело под этим панцирем жаждет сна.

Джон-Тому нечего было возразить. Есть Фаламеезар или нет Фаламеезара, есть вокруг мимпа или их нет, но он ощущал смертельную усталость. Впрочем, еще недавно, ожидая смерти, он и надеяться не мог на подобное счастье.

Назавтра обошлось без непогоды. Через день – тоже, впрочем, по ночам Мечтравную степь поливал обязательный ровный дождик. Была очередь Флор править фургоном. Уже вечерело, пора было останавливаться на ночлег.

На востоке из-за слоистых облаков вставала полная луна, оранжевый шар ее висел над горизонтом. Поднявшись над кисеей дождевых облаков, она осветила неярким светом темнеющую степь. Словно на снежных хлопьях, искрились огоньки на каплях, оставленных последним дождем.

Упряжка из четырех терпеливых ящеров, тяжело топая с шелестом раздвигала мокрую траву. Из фургона доносились отголоски веселой беседы и смешки, перемежаемые присвистом Маджа. Из норок и травы выглядывали маленькие зверюшки, чтобы посмотреть на неторопливо двигающуюся вперед деревянную тварь, и поспешно ныряли обратно.

Раздвинув брезентовый полог, Джон-Том уселся на кучер-

ском сиденье возле Флор. Она непринужденно, словно была рождена для этого дела, держала поводья в руке. Флор глянула на него, свободная рука ее лежала на колене. Длинные волосы, темней, чем сама ночь, куском гладкого стекла чернели во мраке. В огромных глазах играли отблески лунного света.

Юноша оторвал взгляд от этих любопытствующих глаз и уставился на свои руки, лежащие на коленях: они дергались и ерзали, словно пытаясь найти укрытие… Крохотные пятиногие создания, которые некуда спрятать.

– По-моему, у нас есть проблема.

– И только-то? – Флор ухмыльнулась, обратив все внимание на Джон-Тома. Про вожжи можно было забыть: ящерицы, не встречая помех, будут топать и топать вперед.

– Вот и вся жизнь… Одни проблемы, так ведь? Ну а если они такие разнообразные и увлекательные, как здесь… – Блеснув длинными ногтями, девушка взмахнула рукой, обозначив тем самым два мира и пространственный переход между ними. – Жизнь становится еще интереснее.

– Я не о том, Флор. Я о личном. На лице ее отразилась забота.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Не исключено. – Он вновь поглядел на девушку. – Кажется, я влюбился в тебя. Впрочем, я и так всегда любил тебя. Я…

– Довольно. – Она жестом остановила юношу и мягко, но

строго сказала: – Во-первых, всегда ты меня любить не мог. Мы же не всегда были знакомы. Но, отставив метафизику, скажу тебе, Джон-Том: едва ли ты достаточно знаешь меня. А во-вторых, по-моему, ты любишь не меня, а тот образ, представление обо мне, которое сложилось в твоей голове, is verdad, amigo?[6] Проще говоря, ты любишь мое лицо и тело. Я не против, ты не виноват в этом. Твои страсти и желания – продукт воспитания.

На подобный ответ Джон-Том не рассчитывал, а потому смущенно возразил:

– Но ты же, Флор, меня тоже не знаешь.

– Не знаю. – Тон его не задел девушку. – Хочу спросить, какой ты «видишь» меня, Джон-Том? Какой «знаешь» меня? Короткая юбка, свитер в обтяжку, всегда с улыбкой, всегда аккуратная, волосы по ветру… Помпоны летят, так?

– С чего это ты решила заняться наставлениями?

– Черт, я не наставляю тебя! Думай головой, hombre.[7] Возможно, я кажусь тебе куколкой, но я не такая. Как ты можешь говорить, что любишь меня, если не знаешь, какая я?

– Ну че, зачем драчка? – Мадж выставил мохнатую физиономию из-за полога. – Ночка – во, зачем ссориться-то?

– Исчезни, Мадж, – коротко отреагировал Джон-Том на вторжение. – Не твое дело.

– Тока смотри, друг, чтоб от крика кишки горлом не по-

---

[6] Правильно, друг *(исп.)*

[7] Мужчина *(исп.)*

лезли. – Глянув на обоих, выдр ретировался.

– Что отрицать, Флор, физически ты тоже привлекаешь меня.

– Конечно, привлекаю, иначе какой из тебя мужчина. – Она поглядела на бесконечную черную равнину, расцвеченную под луной оранжевыми огоньками. – Начиная с двенадцатилетнего возраста все встречные мужчины иначе на меня и не реагировали. Все это для меня не новость. – Девушка поглядела на него. – Дело в том, что ты не знаешь меня, истинной Флорес Кинтера. А значит, не можешь и любить. Я польщена, но если нам действительно суждено завязать отношения, лучше начать здесь и сразу – на этом месте. Без всяких предвзятых представлений о том, какая я, какой ты хочешь меня видеть, и о том, что я для тебя значу. Comprende?[8]

– Флор, а тебе не кажется, что последние недели я видел тебя истинную?

При всем своем старании Джон-Том не мог избавиться от извиняющейся нотки в голосе.

– Видел, да. Но этого мало. Кроме того, как узнать действительно ли ты видел меня или очередную грань моей быстро меняющейся натуры?

– Подожди-ка, – с надеждой прервал ее юноша. – Ты сказала, «суждено завязать отношения». Значит, ты считаешь, что это возможно?

---

[8] Понял? *(исп.)*

– Не знаю. – Она одобрительно смотрела на него. – Ты интересный мужчина, Джон-Том. Очень здорово, что здесь ты можешь чародействовать своей музыкой, это так здорово. Я не способна на это. Но я знаю тебя не лучше, чем ты меня. Давай начнем заново, а? Будем считать, что мы только познакомились и сегодня у нас первое свидание. – Она показала вверх. – Вот и луна как раз.

– Сложновато будет, – ответил юноша. – Я признался тебе в искренней любви, а ты выпотрошила мое признание, как профессор головастика.

– Извини, Джон-Том. – Флор пожала плечами. – Такая уж я есть… Тут тебе и помпоны, и любовь к приключениям. Научись принимать меня целиком, а не только то, что тебе нравится. – Она постаралась подбодрить его. – Чтобы утешить тебя, могу признаться – я не люблю тебя, но ты мне нравишься.

– Не очень-то утешительно.

– И не гляди на меня побитым барбосом, – потребовала Флор. – Этим ты ничего не добьешься. Все, проехали. Приободрись. Ты высказал, что было на сердце, и полного отказа не получил. – Она протянула ему руку. – Buenas noches,[9] Джон-Том. Меня зовут Флорес Мария Кинтера. Como stas?[10]

Он молча поглядел на нее, потом на протянутую ладонь. И пожал ее с обреченным вздохом.

---

[9] Спокойной ночи *(исп.)*

[10] А тебя? *(исп.)*

– Джон-Том… Джон Меривезер. Рад познакомиться.

Потом дело пошло чуть получше. Из проколотого Флор романтического надувного шарика Джон-Тома вместе с надеждами вылетел и пыл.

Глава 5

Река показалась Джон-Тому обычной до банальности. Ивы, кипарисы, дубы теснились на ее пологих берегах. В густом подлеске резвились мелкие чешуйчатые амфибии. Там, где не было сильного течения, поток покрывали водоросли.

Противоположный берег также был заросшим. Время от времени попадались группы людей и животных, занятых самыми обычными повседневными делами. Они рыбачили, или стирали, или просто следили за тем, как трудится солнце, влекущее за собой день.

Держа путь на далекие горы, фургон свернул на восток вдоль южного берега Слумаз-айор-ле-Уинтли, донося весть о грядущем вторжении до тех теплоземельцев, кто желал ее слышать. Двурека была так далеко от Поластринду и Джо-Трумовых Врат, что козни броненосных казались речным жителям сказками.

Впрочем, все соглашались с путешественниками в одном – их действительно ожидали проблемы внизу по течению реки и у Врат.

– Э? – отозвался один старый выдр на подобный вопрос. – Вам действительно так уж туда надо? – В отличие от Маджева, мех старика поседел – как и усы на физиономии. Артрит согнул его тело и скрючил лапы.

– Вы не пройдете дальше входа, а если и сумеете – тут же

заплутаете в скалах. Многие пробовали – ни один не вернулся.

– У нас есть возможности, которыми они не располагали, – доверительно сообщил Клотагорб, – я, например, что-то вроде опытного мага, а мой спутник – могущественный чаропевец.

Он махнул в сторону долговязого молодого человека. Чтобы переговорить со стариком, они вышли из фургона. Ломовые ящеры с удовольствием щипали сочную прибрежную травку.

Старый выдр отставил удилище и внимательно поглядел на них. Короткий присвист дал понять, что старик не слишком высоко ставит молодого человека, мага-черепаху – вне зависимости от всяких там чародейских способностей.

– Волшебники вы или нет, но пройти через Зубы по реке можно только в сказке. Сказочные путешествия совершают лишь в мечтах. Кроме них, от вас ничего не останется, если будете настаивать. Шестьдесят лет прожил я на берегу Слумаз-айор-ле-Уинтли. – Выдр с любовью показал на текущие воды. – Но ни разу не слыхал, чтобы у кого-то хватило глупости плыть по реке через горы.

– Убедительно говорит, а? – Мадж выглянул из фургона и обрадованно затараторил. – Вот и ладушки, решено: поворачиваем домой.

Джон-Том глянул на мохнатую физиономию.

– Ничего не решено.

Мадж с надеждой пожал плечами.

– За спрос не казнят, кореш. Хотелось бы ошибиться, но у меня в нутре чтой-то твердит: пора бороться с безумием в наших рядах.

– Дебе следует верить в Мастера. – Выпорхнув из фургона, Пог принялся ехидно наставлять выдра. – Следует верить в него, во все способности и великие таланты. – Опустившись поближе к Маджу, мыш зашептал: – Откровенно говоря, мы стали кандидатами в удобрения, как долько вышли в полоумный поход. Но если босс велит, надо идти – выхода нед. Не серди его, друг.

Джон-Том услышал эти слова и подошел поближе к фургону.

– Клотагорб знает, что делает. Я уверен, не послушаться его сейчас – самоубийство.

– Эдо ды действительно дак думаешь?

Острые зубки Пога блеснули перед лицом Джон-Тома. Мыш крылом указал в сторону мага-черепахи, все еще беседовавшего со старым выдром.

– Босс не дал Маджу сбежать, бросить поход со всеми потрохами. А почему ды думаешь, чдо с тобой он обойдется вежливее?

– За ним есть должок, – заметил Джон-Том. – Если бы я не захотел остаться, едва ли он посмел бы запретить мне.

Выписывая в воздухе черные круги, Пог расхохотался.

– Вод эдо голова! Можед, ды и чаропевец, Джон-Том, но

наивен ды, как младенческая попка!

И, взмыв повыше, фамулус отправился к реке – ловить насекомых и летучих ящериц.

– А как ты полагаешь, Мадж? Ты тоже считаешь, что Клотагорб не отпустит меня, если я захочу?

– Не знаю, что и сказать, приятель. Но ты ведь говоришь, что не собираешься возражать против этой дури, так о чем спор?

И выдр убрался в фургон, оставив Джон-Тома вышагивать взад и вперед по берегу. Хотел он того или нет, но мысль возвращалась: теперь он видел Клотагорба иным.

– Есть только один путь, которым туда можно зайтить, – продолжал старый выдр. – А ежели повезет, глядишь, и живы останетесь. Но ежели хорошего лодочника сыщете. Такого, чтоб знал, как по Второй реке плыть. Это единственный путь, иначе в горы не попадешь.

– А вы можете рекомендовать подобную личность? – спросил Клотагорб.

– О, добрых лодочников-то я знаю, – прихвастнул старикан, после чего отвернулся и густо сплюнул в воду. Оборотившись назад, он взглянул на Клотагорба. – Беда-то вся в том, что среди них идиотов не сыщешь. А вам нужен не просто лодочник, а идиот, потому как никто другой не согласится доставить вас в те края.

– Сарказм, мой юный друг, здесь неуместен, – нетерпеливо ответил Клотагорб. – Нам нужен лишь ваш совет. И если

вы не собираетесь делиться своими познаниями, мы постараемся подыскать себе проводника в другом месте.

– Ладно, ладно. Не выпрыгни из скорлупы, старый выдумщик. Катастрофы еще пророчит. Есть тут один, такой вот… Может, и согласится помочь вам. Он в самый раз сгодится – дурень, да и только. А на реке молодец – проведет. Тока вот его еще уговорить надо, чтоб ввязался в это дело.

Выдр махнул лапой влево.

– Там, в половине лиги, бережок круто поднимается А потом будут большие дубы напротив расселины. Вот там его и ищите. Отзывается на имя Хапли Бычатина.

– Спасибо за помощь, – проговорил Клотагорб.

– А если мы упомянем ваше имя… это не поможет? – осведомился Джон-Том.

Выдр расхохотался, смешок камешком поскакал по воде.

– Знаешь, друг, мое имя могло бы помочь тебе в лучших бардаках Уоттльграда, а вы, по-моему, не туда направляетесь.

Клотагорб пошарил в одном из ящичков панциря, извлек оттуда небольшую серебряную монетку и протянул выдру. Тот замахал лапами и шагнул назад.

– Нет, нет и нет! Спасибо, друг! Я не беру денег за помощь смертникам.

И, подобрав удочку и прочие принадлежности, он, горбясь, заковылял вверх по течению.

– Как хорошо, что он назвал нам это имя, – сказал Джон-

Том, глядя вслед удаляющемуся старцу. – Даже денег не взял. Можно было бы подлечить его артрит.

– Арт… А, заморозки в суставах. – Клотагорб поправил очки. – Заклинание очень длинное, у нас на него нет времени. – И маг решительно направился к фургону.

Джон-Том остался на месте, глядя вслед уходящему инвалиду.

– Но он так помог нам!

– Знаю, – возразил чародей. – Услуги его я оценил в мелкую монетку, а не в большое лечебное заклинание. Что, если он просто рассказывал сказки? Хотел произвести впечатление, а имя назвал, чтобы отделаться.

– По-моему, вы жутко циничны.

Поднимаясь вместе с ним в фургон, Клотагорб поглядел на молодого человека.

– Юноша, за первые сто лет жизни обычно успеваешь понять, что абсолютно хороших людей не бывает. В следующие пятьдесят – осознаешь, что и абсолютно плохих тоже. Ну, а после двухсот… Дай-ка руку, спасибо, мой мальчик. – Джон-Том помог старику перевалить массивное тело через борт. – А после двухсот понимаешь, что полагаться нельзя ни на что, поскольку Вселенная полна иллюзий. Уж если сам космос скрывает и искажает правду, чего же следует ожидать от жалких частиц его, подобных этому ничтожному выдру… Или нам с тобой?

Фургон вновь загромыхал вперед, а Джон-Том углубился

в свои мысли.

Оставалось только надеяться, что рекомендации старикашки-выдра были надежнее, чем его оценка расстояния: до трех коренастых дубов возле глубокой низины на берегу им пришлось добираться целых два дня. Русло несколько сузилось, и течение бежало вперед сильнее, увереннее… Кое-где на воде белели клочки пены.

И все же Джон-Том не видел пока ничего опасного… Никаких сложностей для плавания. Он подумал: действительно ли необходим проводник? Река здесь была куда тише, чем у порогов, которые они миновали – с помощью Фаламеезара, конечно – на пути в Поластринду.

К воде вела крутая и неширокая тропа. Ящеры уперлись подле спуска. Их пришлось подхлестывать и подгонять. Взрывая когтями землю, они упорно пятились. С крутой обочины сыпались камешки. Один раз колесо фургона даже зависло над расселиной, суля всем падение с высокого обрыва.

Крохотная низинка заросла папоротниками и тростником. Слева к утесу жался низенький домик – точнее, хибарка. Несколько круглых окошек слепо глядели из-за хмурых бровей – глины и соломенной крыши. Из бурой трубы, сложенной из речных голышей, курился дымок. Более всего внимание их привлекла севшая на мель лодка. Вода лениво лизала ее борта, палубу огибали гнутые поручни, никаких признаков каюты видно не было.

На корме покачивалось рулевое весло. С реи на единственной мачте вяло свисал свернутый парус.

– Я надеюсь, что наш проводник окажется не менее крепким, чем эта лодка, – заявила Талея, заходя под навес у дома.

– Узнать это можно единственным способом.

И Джон-Том нырнул под навес. Дверь была сделана из старого кипариса. Окошка или глазка в ней не оказалось.

Обнаружив подходящую балку, Пог повис на ней головой вниз и облегченно вздохнул.

– Без шика, но в уюте. Тихое местечко, мне всегда нравились реки.

– Как это тебе может что-то нравиться? – поддела его оглядывавшая дом Талея. – Ты же все видишь вверх ногами.

– Лепешка вонючая, – недовольно отозвался мыш. – Эдо вы все видите вверх ногами.

Клотагорб постучал в дверь. Ответа не последовало. Он застучал снова, сильнее. И, не получив ответа, дернул за ручку.

– Заперто, – коротко заметил чародей. – Можно открыть ее заклинанием, но зачем, если хозяина все равно нет дома. – Маг явно обеспокоился. – А не мог он отправиться по делам на второй лодке?

– Если так, – начал Джон-Том, – небольшой отдых нам не повредит. Можно подождать, пока…

Вдруг дверь отворилась. Лягушка, оказавшаяся перед путешественниками, была чуть больше пяти футов ростом –

пониже Талеи, но выше Маджа. Облегающие шорты из змеиной кожи доходили владельцу почти до колен, а длинная бахрома свисала к лодыжкам. Хозяин стоял, разглядывая незваных гостей.

Отороченный бахромой, подобно шортам, жилет сшит был из того же материала. Под ним оказалась кожаная же куртка, рукава которой заканчивались выше локтей. Оттуда к кистям спускалась бахрома. Шляпы на лодочнике не было, шею украшало ожерелье из позвонков какой-то крупной рыбины, белым кольцом лежавшее на зеленой в пятнах коже.

Спереди кожа лягушки была бледно-голубого цвета, переходя в розовый на пульсирующем горле. Все прочее тело было темно-зеленым в желтых и черных пятнах. Если сравнивать, скажем, с Маджем или Клотагорбом – удивительно пестрая шкура. Такого не потеряешь из виду даже в сумрачный день.

Хозяин разглядывал гостей по очереди, внимательно оценив всех членов маленького отряда, не исключая зависшего на потолке Пога. Мыш, повернув голову, с любопытством смотрел на лодочника.

Моргнув, лодочник заговорил низким монотонным голосом без всякого выражения:

– В кредит или за наличные?

– За наличные, – ответил Клотагорб. – Полагаю, мы сумеем прийти к обоюдовыгодному соглашению.

– На хрена мне ваша выгода, – ровным голосом парировал

хозяин. – Меня интересует лишь моя собственная. – Клотагорб не перечил, и лодочник невозмутимо отступил в глубь дома. – Входите. Чего стоять в сырости. Больных возить – неприятностей не оберешься.

Они цепочкой вошли. Джон-Том и Флор предпочли опуститься на пол, а не рисковать стукнуться лбом о балки невысокого потолка. Кроме того, низкие кресла казались слишком уж хлипкими.

Хозяин направился к большой железной печке, расположенной у дальней стены. На раскаленном металле музыкально посвистывал котелок. Приподняв крышку, лодочник помешал его содержимое, снял пробу большим деревянным черпаком. Пахнуло дрянью. Достав с полки на стене две большие деревянные посудины с дырками наверху, он вытряхнул из каждой в котелок некоторое количество порошка, вновь помешал жидкость и, явно удовлетворенный, закрыл крышку. Потом он возвратился к крепкому деревянному столу, расположенному посреди комнаты.

Лодочные снасти, багры, плотницкие инструменты, скобы, клинья и молотки украшали стены. В дальней части помещения была уходящая вниз лестница. Возможно, она вела в укрытие или в сырую спальню.

Склонившись над столом, лодочник сложил влажные ладони и поглядел на Джон-Тома и Клотагорба. Длинные ступни он широко расставил, чтобы не задеть собеседников. Каз возле стены рассматривал речную коллекцию. Талея отыски-

вала пригодное для себя кресло и, обнаружив наконец, подтащила его к столу и присоединилась к трем собеседникам.

– Я Хапли Бычатина, из зыбуновских Бычатин, – сообщил хозяин. – Лучше лодочника не найдете – ни на этой, ни на какой другой реке.

Говорил он ровным голосом – без особых эмоций и хвастовства.

– Я знаю каждый топляк, каждый подводный камень, все валуны и перекаты на шести сотнях лиг, что лежат между Крешфармом-на-Болотах и Зубами. Я знаю норы грязевых удильщиков, пороги и водовороты. Бурю я предугадываю за два дня, а по волнам хожу так, что полная чашка не расплеснется. Я даже знаю, где именно десять тысячелетий назад ведьма Вац разлила котел волшебства, отчего раздвоилась река. А значит, знаю, откуда взялось это имя – Слумаз-ай-ор-ле-Уинтли.

Джон-Том оглянулся на все еще открытую дверь, где грушей свисал с потолка Пог. Итак, где-то, подумал он, есть развилка, из-за которой и пошли все эти имена – Двурека, Двойная река – и прочие. А поскольку здесь развилки нет и, очевидно, не будет до самых гор, значит, лежит она вниз по течению. Впрочем, и так все скоро узнаю, решил он и вновь прислушался к беседе.

– Я на своей лодке три раза оплыву вокруг любого и успею к цели в два раза быстрее. Я плаваю в непогоду – когда все торговцы и рыбаки со страху лезут под кровать. Я ничего

не боюсь – ни на реке, ни на берегах ее. Дам персональную гарантию при оговоренной плате в том, что доставлю пассажиров или груз к назначенной дате или ранее в любое место. В противном случае компенсирую убытки. Я могу побить всякого, будь он дважды выше меня. – Тут лодочник бросил вызывающий взгляд на Джон-Тома, тактично смолчавшего. – Переем любую разумную амфибию или млекопитающее… Двадцать два взрослых головастика вполне могут подтвердить прочие мои способности… Беру золотой за лигу. Коком не нанимаюсь, вам придется обходиться собственным провиантом, рыбачьте, если угодно. Что касается питья – по мне, так лучше речной воды ничего нет. Я в ней как дома, но тот, кто налижется вдрызг на моем корабле, тут же окажется в реке. Есть вопросы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.